

Пытки и жестокое обращение в гомельской женской колонии №4

Общественное расследование

“Мы очень
любили там
стоять смотреть
на свободу”

Содержание

Резюме	3
Показательная колония № 4: пропасть между картинкой и реальностью .6	6
Официальная версия ИК-4.....	6
Колония глазами женщин-осужденных	8
Карантин. Отряд № 8: «Что-то тебе мало дали, я бы таких, как ты, расстреливала...»	8
Актив отряда.....	10
Обязательства, распределительная комиссия	12
Распорядок дня: «... одну неделю ты живешь по первой смене, вторую неделю ты живешь по второй...».....	14
Бытовые условия в отрядах: вши, адский холод и биде	17
Питание.....	20
Одежда	22
Корреспонденция, посылки, свидания, звонки: «Было очень тяжело в ожидании писем...».....	23
Звонки.....	26
Свидания с родными (краткосрочные и долгосрочные)	26
Рабский труд в женской колонии	29
Фабрика	29
Уборка территории, плуг, дежурства.....	34
Медицинское обслуживание	39
Политические заключенные	42
Нарушения и наказания	46
Комиссия.....	47
Нарушения	48
ШИЗО	50
Специфические незаконные наказания - ноу-хау ИК-4	52
Провокации.....	54
Психологическое давление	57
Внештатные ситуации в колонии	60
Мария Колесникова.....	61
Сотрудники колонии	63
Начальник колонии и его заместители	64
Оперативные работники.....	70
Начальники отрядов	78
Иные сотрудники.....	81
Выводы	86

Фото: Женская исправительная колония в Гомеле. Источник: Правозащитный центр «Весна»

РЕЗЮМЕ

«... колония на меня произвела большое впечатление. Наверное, своей концентрацией ненависти. И когда ты видишь тех людей и понимаешь, что все, что ты делал, ты же делал и для них в том числе. Понимаешь, что им не то что это не нужно, ты еще... ну ты не враг, собственно говоря, ты так, дурачок, юродивый. Они не понимают, для чего ты это делал. Они просто не понимают. Наверное, вот это для меня было открытием, что реальность вообще — вот эта. То, что тебе посчастливилось 40 лет прожить в прекрасном мире рядом с прекрасными людьми, не значит, что весь мир такой. Мир другой, разный...»

Основной целью данного исследования является обзор ситуации с женщинами, которые содержатся в заключении в Исправительном учреждении «Исправительная колония № 4» управления Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел по Гомельской области.

По официальной информации, ИК-4 (расположена по улице Антошкина в городе Гомеле) является современным исправительным учреждением с инфраструктурой, обеспечивающей все потребности женщин-осужденных: столовая, клуб, спортзал, баня, парикмахерская, медицинский корпус с аппаратами УЗИ, квалифицированным персоналом, удобные общежития для спецконтингента. В колонии построен отдельный корпус Дома малютки, где содержатся дети женщин-осужденных.

Провластные журналисты-пропагандисты не раз посвящали этой колонии свои репортажи. По их мнению, в ИК-4 создана идеальная атмосфера и условия отбывания наказания для оступившихся женщин. Колонию часто посещают различные государственные чиновники, депутаты, представители Генеральной прокуратуры, Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел и общественные наблюдательные комиссии при Министерстве юстиции.

Для целей данного исследования авторами документа были изучены 20 интервью* (1818 страниц текста) с бывшими женщинами-осужденными, отбывавшими наказание в ИК-4 в период с мая 2021 по февраль 2024 года. Средний срок отбывания наказания у этих женщин — 15,7 месяцев. Суммарная продолжительность срока пребывания этих женщин на Антошкина составила 314 месяцев. Все они были незаконно осуждены после выборов президента в Беларуси в 2020 году и признаны политическими заключенными.

Бывшие осужденные рассказывают о [бытовых условиях в отрядах](#), атмосфере в колонии, созданной ее руководством и поддерживаемой сотрудниками, «правилах и понятиях». Отдельная глава посвящена тому, как и [где трудятся женщины-осужденные](#), а также оплате их труда.

После 2020 года контингент исправительной колонии № 4 заметно изменился с появлением там политических заключенных. К осужденным за обычные уголовные преступления женщинам добавились женщины, фактически пострадавшие за свою гражданскую позицию, что заставило администрацию колонии изменять устоявшуюся годами систему «исправления».

Не секрет, что еще со времен СССР отношение заключенных-«уголовников» к политзаключенным было почтительным, за исключением случаев, когда тюремное начальство вынуждало их «прессовать» политических, избивать или делать их существование в лагере невыносимым. Взяли на вооружение такую тактику и сотрудники ИК-4. Это выражается в размещении женщин, осужденных по политическим мотивам, в отряды с женщинами, осужденными за убийства и другие серьезные преступления; организации провокаций; натравливании осужденных друг на друга; поощрении доноительства.

Эксперты подробно описывают разные этапы нахождения в колонии — от [карантина](#) и [расписания дня](#) до возможных [нарушений и наказаний](#) за них.

Авторы документа рассматривают беспрецедентные случаи пыток и жестокого обращения с осужденными на примере политической заключенной Марии Колесниковой, получившей в колонии прободную язву

* Интервью для данного расследования были предоставлены Правозащитным центром «Вясна» и Международным комитетом по расследованию пыток в Беларуси.

желудка и находящейся в ситуации инкоммуникадо более полутора лет. Почему о ней ничего не известно даже родственникам в течение длительного времени? Почему ее прячут от общественности? Вопросы эти далеко не риторические.

Политзаключенная Наталья Херше смогла вырваться из этого ада только благодаря вмешательству швейцарского правительства. Она, так же как и другая политзаключенная, журналистка Ольга Класковская, со множеством хронических заболеваний неоднократно помещалась в ШИЗО на месяцы. О том, какую роль в сохранении здоровья женщин играют медики колонии, освободившиеся рассказывают в своих историях.

Кто создал такие условия для женщин-осужденных и почему политические заключенные подвергаются издевательствам, изощренным пыткам вполне целенаправленно и сознательно? Сотрудникам посвящен большой раздел расследования, в котором бывшие узницы вспоминают о своих взаимоотношениях с представителями администрации колонии, их профессиональных и человеческих качествах, а также методах работы.

Последствия пребывания в колонии для физического и психического здоровья в данной публикации не рассматриваются, поскольку оценить их степень тяжести можно лишь с привлечением специализированных экспертов. Естественно, опыт заключения отражается на дальнейшей жизни женщины, в том числе в виде сложностей социально-психологической адаптации, отсутствия понимания в отношениях с родственниками и окружающими, разлада в семье и т.п.

Выводы в расследовании сформулированы кратко: многие международные стандарты, касающиеся нахождения женщин в местах лишения свободы, Республикой Беларусь нарушены. Эксперты уверены, что после кардинальной реорганизации пенитенциарной системы Республики Беларусь в соответствии с международными стандартами ее основными целями станут ресоциализация осужденных, снижение рецидивной преступности и повышение уровня безопасности в обществе, а не борьба с инакомыслием.

Авторы исследования осознают свою ответственность за информацию, которую открывают общественности в данной публикации. В неволе все еще остаются сотни женщин-осужденных, и даже не важно — политзаключенные они или нет, лишнее открытое упоминание их имен может создать для них новые сложности и проблемы (включая такой излюбленный метод наказания как статья 411 УК*). Поэтому все персональные данные из интервью изъяты и факты о других осужденных приводятся тоже анонимно.

* Уголовный Кодекс Республики Беларусь, Статья 411: «Злостное неповиновение требованиям администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, наказываются лишением свободы на срок до одного года». <https://spring96.org/ru/news/112446>

Фото: ИК-4 в Гомеле. Источник: sputnik.by

ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ КОЛОНИЯ № 4: ПРОПАСТЬ МЕЖДУ КАРТИНКОЙ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

Официальная версия ИК-4

Исправительное учреждение «Исправительная колония № 4» управления Департамента исполнения наказаний Министерства внутренних дел по Гомельской области расположено по адресу: г. Гомель, ул. Антошкина, 3. В ней отбывают наказание впервые осужденные женщины, получившие по приговору суда наказание в виде лишения свободы в условиях общего режима.

Колония рассчитана на более чем 1700 человек.* В ней есть своя парикмахерская, столовая, клуб, спортзалы для отбывающих наказание и сотрудников колонии. Со слов руководства, есть в учреждении и гостиничный дом для прибывающих родственников, а всего на территории колонии шесть общежитий, где проживает спецконтингент. Тут и новая баня, и новый медицинский корпус с аппаратами УЗИ и квалифицированным персоналом, отдельный корпус Дома малютки, где содержатся дети женщин-осужденных. Все это, по словам сотрудников, предусмотрено правилами внутреннего распорядка.

Колонию часто посещают различные государственные чиновники, депутаты, представители Генеральной прокуратуры, Департамента ис-

* По неподтвержденным данным, с 2020 – 2021 годов в колонии отбывают наказание порядка трех тысяч человек. <https://www.currenttime.tv/a/koloniya-kuda-otpravili-kolesnikovu/31662163.html>

полнения наказаний Министерства внутренних дел, общественные наблюдательные комиссии при Министерстве юстиции* и, конечно же, журналисты-пропагандисты для создания идеальной картинки гуманного отношения к женщинам-заключенным и прекрасных условий их содержания. Несколько лет назад для этих целей был проведен масштабный капитальный ремонт нескольких корпусов, куда и водят высоких визитеров**.

Фото: Представители Общественных наблюдательных комиссий во время посещения ИК-4 29 марта 2024 года. Источник: minjust.gov.by

Официальным лицам рассказывают о том, что швейную продукцию, которую производят женщины-заключенные, не только хорошо продают внутри страны, но даже экспортируют.

Фото: Информационный стенд на территории ИК-4 с фотографиями образцов швейной продукции колонии. Источник: sputnik.by

* Представителей НГО в общественные наблюдательные комиссии не включают.

** https://minjust.gov.by/press/news/politicheskie_partii_obshchestvennye_obedineniya_i_drugie_nekommercheskie_organizatsii_ispravitelnyuyu_koloniyu_4_v_gomele_posetili_predstaviteli_obshchestvennykh_nablyudatelnykh_komissiy/

Колония глазами женщин-осужденных

«Там все неправильно. Нет никакого исправительного процесса, там просто калечат людей...»

«Ты все время находишься в коллективе. Там все сделано на то, чтобы тебя подавлять, чтобы ты чувствовал себя отстойным человеком и вообще может даже не человеком».

Карантин. Отряд № 8: «Что-то тебе мало дали, я бы таких, как ты, расстреливала...»

«Это был вечер, и ты супер уставший, голодный, никакой. У меня уже голова не соображала. И я воспринимаю этот в целом режим, в котором происходит эта перевозка заключенных, с собаками, с криками, с переноской этих вещей без помощи, со скоростью... То, что происходит, это тоже пытка. ...Выдержать это даже здоровому человеку, а есть люди разных возрастов, которые проходят через это, и разных физических особенностей. Не делают никакие там поблажки, поэтому это довольно тяжело для нервной системы и физической тоже».

После этапа женщины-осужденные в колонии попадают на карантин, где проводят около двух недель. В этот период у них нет никакой связи с родственниками.

«Карантин — это не ковидный карантин. Это карантин по въезду в колонию. ...чтобы научить, как правильно себя вести в колонии: как заправлять кроватку аккуратно, правильно; как, встав, вскакивать просто когда заходит кто-то в погонах; как здороваться на 3—4 и так далее, и так далее. Дрессировка, в общем, 14-дневная».

Пребывание на карантине происходит в закрытом корпусе с отдельным двориком. Стандартная процедура приема вновь прибывших — это досмотр вещей (для профучета — с особой тщательностью), душ, получение формы, распределение по секциям и кроватям*.

«Тебе дают эту телогрейку страшную, вообще ужасную, это платье, этот костюм, эти туфли, в которые ноги не»

* Политическим заключенным на двухъярусных кроватях места определялись только на 2-м ярусе.

возможно всунуть. Мне новые попались, так получилось, но они такие неразношенные, вообще ужасные...»

«Досмотр — это отдельное вообще искусство колонийское. Все твои вещи просто вот так вот разлетаются во все стороны: это нельзя, это нельзя, это нельзя. И все просто летит в сумку и отправляется на склад, где просто гниет, если родители, родственники не забирают. И вот так это там может простоять несколько лет».

На карантине есть своя маленькая столовая, где женщины принимают пищу. Кто-то из них работает на кухне, откуда они носят в свой корпус тяжелые баки и бидоны с едой.

В первые дни осужденные проходят медосмотр в санчасти: анализ крови, флюорография, осмотр у стоматолога и гинеколога.

Время на карантине занято бесконечной уборкой секций, коридора и территории, изучением Правил внутреннего распорядка колонии и расписания дня.

«И постоянные учения ПВРа. Это целая книга такая большая — свод законов и правил всяких разных idiotских там, начиная от того, что нельзя держать рыбок и там растения, и заканчивая тем, что нельзя бегать по крышам. ... Но сам ужас, что это все надо было выучить наизусть и по этому сдавать экзамены».

За время пребывания в карантине с осужденными бесконечно беседуют различные сотрудники из режимного отдела, начальник психологического обеспечения, начальник исправительного процесса.

«С нами много раз беседовали на карантине за две недели. Это порядок такой, что как только человек заезжает, в частности экстремист, они его вызывают на беседы, спрашивают, за что сидишь, как планируешь отбывать наказание».

«На беседе он начал издали, но основной месседж был такой, что у них есть характеристика на меня с Володарки, она плохая, и если я буду вести себя так, как описано в характеристике, мое нахождение тут станет невыносимым. Если я буду вести себя адекватно и слушаться администрацию, ну типа некоторых моментов можно избежать. (На беседе с заместителем начальника колонии по оперативной деятельности С.С. Ковалевым)»

Угрозы наказания начинаются уже на карантине. Практически оттуда заключенная может попасть в штрафной изолятор за очень незначительные нарушения: подготовку ко сну ранее чем за 30 минут, помывку не по расписанию и другие. Причем нарушения в карантине суммируются с нарушениями, полученными уже в отряде.

«И до такого доходит, что типа неправильно на сантиметр там пришит, ну или немного меньше, по миллиметрам, знак нагрудный или нарукавный... В карантине, может, тебе не сделают еще сильного чего-то, может предупреждение сделают, если неаккуратно или неправильно пришито, прямо там 10 сантиметров отсюда отмерять, отсюда, отсюда, то уже в отряде за это выписывали политзаключенным нарушения. Ну и не только политзаключенным, но с большего, конечно, политзаключенным».

Провокации и «подставы» начинаются тоже здесь.

«Но мне перечислили уже там, за какое-то время карантина, сколько раз я дала кому-то сигареты, сколько раз я чем-то поделилась, прокладками всякими, ну, плюс записка, плюс еще что-нибудь. Сказали, что уже как минимум на 30 суток, может быть даже больше уже, штрафного изолятора, есть».

Перед распределением из карантина в отряд осужденным предлагают вступить в одну из секций на выбор — в зависимости от предпочтений, умения петь, танцевать, рисовать и прочее. В соответствии с этим распределением, в дальнейшем отбывании наказания осужденным распределяют дежурства по колонии.

Актив отряда

«И завхозы некоторые начинают просто жестить, и активу отряда своего говорить какие-то вещи, которые оперативник по сути не говорил... Так будет им больше бонусов, и так далее. Ну и начинают там провоцировать, давить, не решать вопросы, затягивать решение каких-то вопросов...»

Давление на политических заключенных осуществляется не только со стороны сотрудников колонии, но и от «актива» в отрядах. В отрядах существует определенная иерархия, которая выстраивается сотрудниками колонии. В отличие от «кастовой» системы, которая характерна для мужских исправительных учреждений, в ИК-4 отсутствует деление осужденных на какие-либо строго определенные группы. В отрядах вы-

деляется только группа «актив» — это осужденные, которые сотрудничают с должностными лицами колонии.

«... у нас не делились зэки по кастам... Были разные условия, «плюшки» от администрации, разные условия отбывания наказания, даже могли получить больничный ... актив отряда, начиная от завхоза».

Осужденные из «актива» отряда выполняют различные функции (например, сопровождение других осужденных при перемещении из жилой зоны в иные), прежде всего, они докладывают об обстановке в отряде оперативным работникам и оказывают воздействие как на политических, так и на иных заключенных. Представительницы «актива» отряда возглавляют секции внутри отряда.

В отряде назначается «заведующий хозяйством» (далее — завхоз). Как правило, завхоз отряда — это осужденная, которая по распоряжению администрации выполняет организационные, распорядительные, информационные и иные функции. На эту роль выбирают заключенную, которая согласна выполнять все распоряжения руководства колонии и оперативных сотрудников (как непосредственно закрепленных за конкретными отрядами, так и более высокопоставленных). Кроме определенных властных полномочий (назначение лиц на дежурство по согласованию с начальником отряда, определения, где будут храниться вещи осужденных), завхоз отряда получает иные привилегии от администрации (не работает на фабрике, не выполняет работы по самообслуживанию и т.п.).

«...В каждом отряде был заведующий хозяйством. Естественно, она работала на администрацию, все докладывала, все, что происходило в отряде. Все оперативную информацию, всю жизнь отряда, кто что сделал. Кто что не сделал».

Как правило, в отряде выделяют три секции:

- 1) содействие организации быта и досуга осужденных (СОБидО);
- 2) организация труда осужденных (ОТО);
- 3) защита прав осужденных (ЗПО).

«Если ты вступаешь в эту секцию по быту и досугу, то твои дежурства ограничиваются только бытом, например, дежурить по секции, и ты участвуешь во всяких культурных мероприятиях в клубе, ходишь выступать, петь, танцевать. Если ты находишься в секции ЗПО — это защита прав осужденных,

то ты дежуришь только по калитке и по столу, это никак не связано с правами осужденных и их защитой, просто дежуришь по калитке и столам. Это вообще ни на что не влияет, потому что ты дежуришь все равно везде, только ты должен треугольник на рукав пришить с названием своей секции».

В каждой секции есть председатель, который составляет графики дежурств по направлениям секции, сопровождает других осужденных при перемещении, организовывает досуг осужденных и так далее.

«...Они, каждый занимается своим направлением, но что у них общее, что очень часто, я подчеркиваю, не всегда, но очень часто это люди, которые, ну наверное, умышленно пытаются подставить политзаключенных, ну и обычных заключенных, которые тоже не нравятся им, или администрации колонии...»

За такое сотрудничество «актив» отряда получал определенные привилегии и послабления со стороны сотрудников колонии.

«Составлял [график дежурств] тоже актив отряда и, получается, утверждал начальник отряда, ну и, как мной было замечено, такие приближенные, особо приближенные к администрации, то они и не дежурили...»

«...»актив» отряда, пару человек, ну они тоже работали с оперативной частью, с администрацией колонии ... Они тоже были привилегированные, они могли получить больничный, там полежать. Также не ходили на инвентарные работы...»

На одежде каждой осужденной есть нагрудный и нарукавный знаки (их может быть три, то есть осужденная может быть во всех трех секциях). Нарукавные знаки — это обозначение секции, нагрудный знак — фотография, статья и дата рождения. Если осужденная находится на профучете, нагрудный и нарукавный знаки желтого цвета. У осужденных — злостных нарушителей (два нарушения, в числе которых ШИЗО) отсутствует нарукавный знак.

Обязательства, распределительная комиссия

Обучению Правилам внутреннего распорядка на карантине уделяется основное внимание — не сдав экзамен на их знание, осужденная рискует попасть в штрафной изолятор, а не в отряд.

«Тогда я еще не понимала, к чему все идет, а потом началось. Я сказала, что отказываться от работы не буду, во-вторых, я сказала, что я подпишу обязанности. Просто чтобы выйти из карантина. Те, кто не подписывают, обычно идут сразу в штрафной изолятор из карантина».

«Экстремисты» сдают обязательства отдельно и учат все 8 пунктов наизусть. Спрашивают их в отдельном кабинете, при этом сам процесс снимают на камеру.

«...это добросовестно относиться к труду, с уважением относиться к имуществу исправительного учреждения номер 4, принимать участие в уборке территории и самообслуживании. Ну, что-то там стараться..., проявлять инициативу по искоренению вредных привычек, сделать все возможное по выплате ущерба, нанесенного преступлением. То есть это такие 8 пунктов, которые просто типа ты подписываешь и этим самым обязуешься работать на фабрике, да, вот этот принудительный труд. Участвовать в инвентарных работах, во всех дежурствах и так далее...»

Интересную историю рассказала одна из осужденных. Когда в колонию заехало сразу несколько десятков женщин-политзаключенных, администрация несколько растерялась. До них в каждом отряде было по 1—2 «экстремистки». На всякий случай, им запретили практически все, что до этого было разрешено на карантине.

«То есть мы максимум, что могли — это убирать секцию и пол в коридоре. А также с нами проводили беседы абсолютно все представители администрации колонии. Иногда было по 2—3 встречи в день. И это все встречи были достаточно однообразные, манипулятивные, в попытках выяснить, чего же нам не хватало. Всегда один и тот же вопрос, а чего же нам не хватало, что мы вышли на улицы, раскаиваемся ли мы, признали ли мы вину и собираемся ли мы писать на помилование президенту Республики Беларусь».

Через две недели карантин проходит распределительная комиссия во главе с Толстенковым*, начальником колонии, и всеми остальными начальниками отрядов. Все происходящее также снимают на камеру.

«Потом было распределение. Распределение — это когда собираются все, вся администрация колонии, сидят пухлые тетки и дядьки с важным видом, улыбаются, а ты заходишь к ним, стоишь по струнке смирно, читаешь рапорт, называя

* Начальник колонии в 2021 году.

свою фамилию, имя, отчество, дату рождения, статью и так далее, и так далее. Они смотрят на тебя, в зависимости от статьи могут и посмеяться, могут унижить. Многих девочек унижали. Вот так и проходит распределение в колонии: ты стоишь это все выслушиваешь, тебе называют отряд и ты уходишь».

Распорядок дня: «... одну неделю ты живешь по первой смене, вторую неделю ты живешь по второй...»

Как рассказали бывшие женщины-заклученные, жизнь в колонии проходит строго по расписанию. Две рабочие смены определяют, чем должны заниматься заключенные в тот или иной промежуток времени. Ниже прилагается таблица, в которой отражаются основные пункты распорядка дня (время может несколько разниться).

Табл. 1. Распорядок дня в ИК-4

1-я смена	Активность	2-я смена	Активность
6:00	Подъем, гигиена	6:35	Подъем, гигиена
6:30	Завтрак	7:00	Проверка
7:00	Построение на работу и проверка	8:10	Завтрак
7:30-12:00	Работа	После завтрака	Выдача мед. препаратов
12:00	Обед	9:30-10:30	«Вектор»
12:30-14:30	Работа	10:30-11:30	Свободное время
14:30*-15:00	Окончание работы, возвращение в отряд	11:30-12:20	«Вектор»
15:00-16:00	Свободное время (кофе-чай)	13:10	Обед
16:00	Построение - проверка	14:00	Построение на работу
16:30-17:30	«Вектор»** - просмотр спец. программы колонии	15:00-16:30	Работа
17:30	Выдача мед. препаратов (при необходимости)	16:30	Перерыв
18:00-18:50	Свободное время (кофе-чай), «Вектор»	После перерыва	Работа
19:10	Ужин	18:00	Ужин****
20:00-20:30	Вечерняя проверка профилактического учета	21:50	Окончание работы
20:30-21:30	Свободное время****, можно переодеться в свою одежду	21:50-22:20	Вечерняя проверка профилактического учета
21:30	Подготовка к отбою	22:30	Подготовка к отбою
22:00	Отбой	23:00	Отбой

Примечания

* «Вектор» - это внутреннее телевидение колонии. В основном там показывают то, что происходило в клубе, собрания, лекции или конкурсы художественной самодеятельности. Также там идут лекции анонимных алкоголиков. И по воскресеньям транслировался фильм.

«... чаще всего это или пропагандистские какие-то фильмы, как «Клуб редакторов», причем, одни и те же. Это все по кругу. Про Tut.by очень много крутили нам. Всякие покаяльные видео очень любили, Азаренка. Или же о достижениях Беларуси: какой у нас прекрасный военпром, как мы там везде всех победили, как у нас с Россией, мы интегрируемся всячески и у нас все прекрасно. Мы должны были сидеть, смотреть. При этом нельзя читать, нельзя писать, нельзя даже спать, нельзя закрывать глаза. Потому что завхоз ходит и контролирует. Если кого-то словит, то записывает в свой блокнотик, и это может быть как нарушение — ты должен сидеть и смотреть».

*** «Вот эти перерывы между «Вектором» — это единственное время перекуса или ещё чего-нибудь, что у тебя может быть. В любой из этих моментов может кто-то прийти и сказать, что сейчас мы все идём с коробками, или придумать еще какое-то развлечение — наказание в том, что вы делаете какую-то бесполезную ерунду вместо того, что вы могли этот час отдохнуть и потратить его на себя».*

**** «Если ты на ужине не смог поесть, если какая-то плохая еда или еще что-то, то ты уже не поешь до следующего утра».*

Из возможностей досуга в колонии предусмотрены спортзал, библиотека, кружок рукоделия, посещение церкви. На это для осужденных отведено около трех часов в день, однако, по усмотрению администрации, это время можно провести, убирая территорию или выполняя иные приказы.

«К концу вышло так, что политическим запретили посещать спортзал, библиотекой можно было пользоваться, но не ходить в нее, просто просить, чтобы кто-то книги принёс, нельзя было пользоваться кружком. Ты мог записаться в кружки, но тебя оттуда выписывали, на тебе стоит запрет, что ты не можешь ходить туда. Еще могли поставить запрет, например, на клуб. Это все индивидуально было. Одни оперативные сотрудники в своих отрядах всем политическим запрещали такие вещи. Я перешла в 19-й отряд, там мне разрешили ходить в спортзал. Были отряды, где принципиально запрещалось. В одном из отрядов политическим запрещалось ходить в церковь».

Досуг в колонии представлял из себя в основном просмотр передач, которые транслировал «Вектор».

«Суммарное количество «Векторов» по времени в воскресенье — около четырех часов. Два утром и вечером длинный. То есть, четыре часа в день ты просто должен сидеть, телевизор смотреть, при этом не можешь там ни читать, ни писать, ничего нет, потому что под камерой сидишь».

«Я ходила в церковь и мне было разрешено ходить в клуб. [имя].. нельзя было ходить в церковь и она очень долго упрашивала оперативного работника, чтобы ей разрешили зайти в церковь свечку поставить за упокой своего родственника. Две недели упрашивала. Но ей можно было в спортзал. Ей периодически то разрешали, то отменяли. Как они выбирали, кому можно, а кому нет, по какой причине — тоже неизвестно».

Как рассказывают женщины, еще три года назад были разрешены по 5 книг на каждую осужденную. Их можно было передать из дома. Были разрешены распечатки книг. Однако, с поступлением в колонию политических заключенных, это запрещено. Сейчас в колонии запретили любую обучающую литературу и литературу на иностранном языке.

«Ты не можешь там, если ты сидишь уже 7 лет, погонять какие-то слова на английском, ты не можешь изучить польский. Мне, например, запретили обучение на Ешко».

Что из себя представляют проверки?

«... если ты не на фабрике, они происходят одинаково: вы просто все строитесь, профучет всегда строится в самой первой линии, любой профучет, независимо там политический или какой-то другой. Вы становитесь в ряд 5 человек, и так за вами 5 человек, и типа ну, получается такие вот колонны. Потом... вы стоите и ждете, пока вас придут проверить. Проверка состоит из 2 частей: это когда вас читают и когда вас считают. То есть читают вас по карточкам, и этим занимаются офицеры. У них есть стопка карточек, и на них, я так понимаю, есть фотография, есть общая информация о тебе, там типа статья, срок, и если это профучет, то карточка желтая...»

Офицеры называют фамилию заключенной, она делает шаг вперед и одновременно говорит свое имя и отчество. Помимо сверки данных заключенных, происходит количественная проверка. Этим занимаются контролеры, которые ходят по всей колонии и считают, сколько человек в каждом отряде. Цифры карточек должны сойтись с данными контролеров. Этот процесс занимает в среднем 20–30 минут.

Для политических заключенных предусмотрена дополнительная профилактическая проверка между просмотром «Вектора», на которую выходит не весь отряд. Находящиеся на профучете осужденные приходят проверяться на свои участки.

«это нужно выйти на улицу и дождаться, пока придут контролеры, военные. Проверка начинается в 8. Если это была зима, они всегда приходили в 8:25–8:30. То есть надо было просто полчаса стоять на морозе и их ждать».

Бытовые условия в отрядах: вши, адский холод и биде

«Первый аспект, это про то, что могут отличаться условия содержания. ...может быть дырка в полу, туалет старый, вонючий, с засохшим говном, а может быть обычный туалет белый, на который можно посадить попу. Что тоже кажется странно, наверное, подчеркивать это, но для психологического комфорта, когда ты замотанный бегаешь и не останавливаешься ни на секунду, важны такие мелочи, чтобы ты чувствовал хотя бы в каких-то элементарных нуждах себя не униженным, грязным...»

Бытовые условия заключенных колонии зависят от корпуса, в котором размещается отряд. Правилами внутреннего распорядка официально мыться разрешено в так называемый банный день. И также есть дополнительный день, он так и называется, помывки головы, когда можно вымыть волосы. Есть, например, помещения отряда, в которых есть одно биде на 80 человек, но может не быть душа, где можно было бы помыться полностью. В каких-то отрядах душ есть, но им нельзя пользоваться, потому что мыться можно только один раз в неделю.

В старом ветхом здании **15-го отряда**, по словам бывших заключенных, например, нет душа. На весь отряд 4 раковины, один ногомойник. На первом этаже 5 унитазов, но один отведен под начальницу отряда. То есть 4 унитаза на весь отряд и одно биде. Таким набором удобств должны обходиться 80 женщин. Комната приема пищи тоже очень маленькая, и во время приема пищи женщины туда не помещаются, им приходится принимать пищу в других подсобных помещениях, включая помывочную. В помывочной есть две стиральные машины и тумбочка для хозяйственных вещей.

«И дежурная летит в туалет, убирает там все буквально за минуту, чтобы было более-менее, и только потом начальница идет. Но чаще всего это было так: кто-то кричит «туалет начальнице», дежурная идет выгонять всех из туалета. Плевать, что ты там делала, ты выходишь оттуда, дежурная все убирает, а потом от минуты до получаса дежурный стоит и бдит, чтоб никто в туалет не заходил. Потому что начальница может сказать, что ей нужен туалет, а потом заработать или что-то еще, забить и забыть о том, что в это время 90 там или 100 человек не ходят в туалет и ждут».

В **16-м отряде** — сырость и плесень, очень холодно; в **14-м отряде** похоже, что ремонта не было очень давно — стены и полы ободраны, сантехника старая и убогая.

«И там в туалетах находились унитазы и биде одно на 80 человек. Стояли умывальники и ногомойники, то есть полностью помыться не было возможности».

«Через полтора месяца ...меня перевели в 14-й отряд. Я была в шоке, когда я пришла в этот отряд. Это был какой-то бомжатник просто. Мне показалось что 15-й отряд не очень, но когда я увидела 14-й отряд — это была какая-то жуть. Ты заходишь, там ободранные стены и полы. Заходишь в раковину — там расстояние между краном и раковиной ... То есть голову там помыть нереально. Там очень старые раковины, которые ты не отмоешь. Там такой слой ржавчины и всякой жести, что можно было сойти с ума».

«Думала, как мне помыться, как сходить в туалет, потому что это 5 унитазов, которые стоят друг напротив друга и разделены обычной шторкой. И просто чтобы зайти в туалет, а там есть люди, надо постараться не споткнуться о коленки других людей. Там разделители между унитазами не такие широкие, чтобы ты не видел что там и кого. И в принципе все, ты не хочешь этого видеть, но твое боковое зрение захватывает все, что происходит. В туалет просто нереально сходить было, это был вечный терпеж».

Несмотря на то, что 16-й отряд считается показательным и туда очень часто заходит администрация, бытовые условия там, по словам женщин, были очень плохие. Первое — очень холодно. Старые деревянные окна совсем не держат тепло. Нет сушилки, где можно сушить вещи. Непосред-

ственно в секции хранятся куртки, обувь, стоит холодильник и очень маленький шкафчик с локерами* (1 на 4 человека). В туалете 4 кабинки с унитазами. Душем пользоваться разрешают. В целом 16-й отряд считается «наркоманским» отрядом, потому что там находится много людей, которые сидят по 328-й уголовной статье.

Есть отряды с большими каптерками с большими ячейками для коробок с вещами, которые располагаются в 3-4 яруса. В некоторых отрядах каптерки 2 на 2 метра с маленькими ячейками для вещей, в которые сложно уместить все вещи. Неплохие отзывы бывших осужденных о **7-м, 9-м и 17-м отрядах**: в них достаточно тепло и неплохие бытовые условия. Есть души с занавесками, ногомойники.

В 9-м отряде 2 отдельные комнаты с биде, есть кухня. В кухне 2 стола для обедов, стулья. По периметру кухни стоят шкафы с ячейками, которые называются локеры. Они сделаны из металла и предусмотрены для того, чтобы в них можно было хранить продукты, закрывая на ключ. Но у администрации должен быть доступ к их содержимому, и поэтому запрещают их закрывать. В кухне 2 холодильника. Но в каждом отряде по-разному, где-то может быть и 3 холодильника. Тумбочка у розетки, чтобы на ней кипятить воду. В некоторых отрядах есть чайники, где-то их нет и воду нужно пользоваться кипятильниками.

19-й отряд расположен в том же здании, в котором находится и 9-й отряд. То есть по условиям там все идентично.

В **13-м отряде** (расположен в корпусе под названием «Бомбей») один существенный недостаток: там очень холодно. Несмотря на то, что корпус достаточно новый и отремонтированный, окна там вставлены неправильно и в помещении постоянный сквозняк. По словам женщин, в этот отряд отправляют людей в наказание.

«Ну, 1-го октября зэчки, женщины мне говорили, что «ну вот, [имя]..., ты еще не видела зимы, зимой будем накрываться телогрейками».

«Я, ложась спать, в принципе, как и все другие женщины, я спала не только под телогрейкой. Я надевала все вещи, что есть у меня, потому что помещение остывало так, что это было нереально».

В отряде есть 2 душа. Но — пользоваться ими запрещают. Мыться нужно ходить обязательно в баню, где нет нормальных условий.

«Там есть душ, который посещается один раз в неделю, и принимать его можно только вот 15 минут, но это от мо-

* Закрытая ячейка для продуктов.

мента входа в душ. Заходил весь отряд, то есть много человек. Отправляют в душ. Там несколько душевых кабинок. И давалось 15 минут с момента, как мы вошли, то есть это раздеться, принять душ, вытереться и одеться. На всё это давалось 15 минут, один раз в неделю. Всё остальное время мы, скажем так, мылись из бутылочки над унитазом девочки, как-то старались приспособиться, но это было невозможно...это не промыть голову в таком душе, ничего. Причём, после душа, когда ты выходишь уже такой распаренный, разогретый, весь мокрый, несмотря на то, что на улице очень холодно, ты всё равно идёшь по улице, если это душ был перед сном».

«Я была в разных отрядах каждый месяц, то есть я поменяла 10 отрядов, и разные отряды выглядят по-разному. В большинстве своем во всех отрядах плохо обстоят дела с санитарно-бытовыми условиями, то есть это и плохая сантехника и вонь, это и различные живности, ну то есть там жуки, пауки, таракашки, в большинстве отрядов были везде бельевые вши. Вечером, когда я садилась читать, я одевала очки, а очки у меня на очень большой плюс, я специально попросила у родителей купить, потому что там плохое освещение. В этих очках я рассмотрела бельевых вшей на подушке».

Относительно средств гигиены женщины в основном должны были заботиться сами. Один раз в месяц им выдавали хозяйственное мыло, одну упаковку прокладок и туалетную бумагу.

«Иногда прокладок нет, иногда нет туалетной бумаги. А иногда прокладок и туалетной бумаги нет в магазине. Ну то есть это дополнительный раз тебя мордой в говно просто окунают и показывают лишний раз твое место. Не о том, что даже помыться, с этим ты уже как-то смирилась. С тем, что ты просто два года ходишь грязный. И размазываешь эту грязь с одной части тела на другую часть тела. И еще ты там нормально не можешь беспокоиться о своей менструации. И это, как по мне, настолько дико...»

Питание

В колонии трехразовое питание по расписанию. По рассказам осужденных, которые там сидят с 2019 года, раньше питание было отвратительное, и в магазине продуктов было мало.

«Сейчас, особенно когда всякие проверки приезжали, там мяса достаточно много, рыба какая-то, какая-никакая, жареные рыбные котлеты, каши утренние вполне неплохие, масло 2—3 раза в неделю, яйца. Ну, в принципе, питание, ну, от голода не умрешь, то есть если там без помощи особо. Вполне сейчас, ну супы такие более-менее. Рацион таков: утром каша, обычно на молоке, кусок хлеба белого, чай. В обед первое блюдо — суп, второе, компот-кисель, пол куска белого хлеба, кусок черного хлеба. Вечером тоже какое-то блюдо, кусок белого хлеба, чай.

В принципе, чтобы жить, этого хватает. Но, естественно, это еда такая столовская, то есть там каких-то вкусовых качеств, конечно, нет, обычная такая еда, которая достаточно быстро приедается».

Некоторые женщины не питаются в столовой, а покупают еду в магазине, а также питаются теми продуктами, которые передают родственники. Однако такая ситуация с питанием далеко не у всех.

«Если есть иски, или ты злостный нарушитель (имеешь несколько непогашенных нарушений), то у тебя ограничение 64 рубля [примерно 19 \$], это две базовые. Если нет исков и ты не «злостник» и не обязанный, то лимит 192 рубля [примерно 58 \$], четыре базовых. Мне 192-х рублей в месяц не хватало. 64 рубля - это вообще ни о чем, это сигарет не купить. Условно, даже если два рубля, купить себе на месяц только сигареты и кофе. Это ни сладкого... Нужно за эти 64 рубля и гигиену себе купить, или косметику. На 64 рубля тяжело реально жить».

В магазине, кроме продуктов, женщины могут купить косметику, в основном «Белита-Витэкс», влажные салфетки, туалетную бумагу. В месяц предусмотрены три «отоварки» на каждый отряд. Как правило, это начало, середина и конец месяца.

«Иногда нет бумаги в магазине, при том, что нету даже салфеток. Иногда скупают и влажные салфетки, все бумажное, что есть в магазине, его может резко не стать, поэтому приходится ходить, спрашивать, кто может одолжить туалетную бумагу. Я сталкивалась с этим дважды или трижды, даже и бумаги может не быть не пару дней, а неделю-две».

Очень часто в колонию привозят продукты, которым осталось несколько дней до конца срока годности. Это касается молочных продуктов — тво-

рога, йогуртов, кефира, молока. Купленные продукты должны храниться в холодильниках, и срок их годности тщательно проверяется. В то же время многие женщины жалуются на воровство продуктов из холодильника.

Многим женщинам такого питания не хватало.

«И где-то месяц или три недели у меня ничего вообще не было из еды, кроме чая. И я прямо ощутила, что я постоянно голодная. Когда ты приходишь в столовую, там очень горячая еда. Пока ты надуешь на эту еду, чтобы она остыла, ты просто обжигашь себе рот и не успеваешь за это время, которое дается на всю эту еду. У девочек какой-то там запеченный рот, что они могут это съесть, а я не могла. За первый месяц я на килограмм пять похудела».

«Но так как очень много физического труда, ... ты на этом как раз-таки не поправишься, скорее, похудеешь. С голоду не умрешь, потому что все равно это калории. Если уж совсем чувствуешь себя голодным — там всегда вдоволь хлеба, можешь наесться. То есть его многие не едят, потому что он невкусный как бы, ну такой...»

Одежда

Весь контингент обязан носить единую форму одежды. Одежда — это летнее форменное платье, розовое в белый цветочек, и косынка.

«Еще выдают костюм — это юбка, рубашка и пиджак. Это телогрейка синего цвета. Если у тебя срок больше 5-ти лет, то тебе выдают 2 костюма и 2 платья, но у нас, наверное, только тем, у кого был срок от 10-ти лет, выдали 2 платья и 2 костюма. Мне не выдали, я потом покупала в магазине отдельно специально».

«Плюс тебе выдают обувь — это так называемые чуряки. Это типа что-то около балеток, там плоская подошва. И типа ботинки такие, ну, грубые, ну не знаю, как у рабочих там на заводах всяких, такие ботинки. И дают сланцы».

Выдают также несколько пар носков, один бюстгальтер, леггинсы (теплые штаны).

«Выдают также ужасные колготы, с которых все смеялись, потому что после 1-го применения колготка вытягивается настолько, что достает до лодыжки. И ты каждый раз, когда

надеваешь эти колготы, в начале они у тебя на талии, потом в подсисечье, потом в надсисечье, а потом уже можно на голове завязать бантик. То есть они так очень хорошо, очень быстро растягиваются. Брестский носочно-чулочный комбинат. И выдают форменную обувь. То, что я перечислила, за исключением носков, лифчиков и колгот, от этого отказаться нельзя. То есть ты должна иметь на руках шапку, косынку, платье, костюм, телугу и обувь. Это ботинки и это туфли».

Фото: Летняя форма одежды заключенных женщин в ИК-4. Источник: belta.by

Фото: Зимняя форма одежды заключенных женщин в ИК-4. Источник: dson6cgvys1hu.cloudfront.net

Как рассказывают бывшие заключенные, в перечне разрешенной в колонии одежды — 2 нательные майки, 2 майки черные с коротким рукавом, 2 майки черные с длинным рукавом, два черных джемпера, 2 леггинсов, 8 пар носков, 8 трусов, ночная сорочка или пижама летняя, пижама зимняя, перчатки, варежки, шарф, шапка. Обувь осенняя, обувь зимняя, обувь летняя, босоножки. Носовой платок, до 2—3-х бюстгалтеров. Все лишнее отправляется на центральный склад. В зависимости от сезона одежда и обувь меняется.

Корреспонденция, посылки, свидания, звонки: «Было очень тяжело в ожидании писем...»

«Ты у них спрашиваешь:

— А что с корреспонденцией?

Они отвечают:

— Вам никто не пишет.

А с чего вы взяли, что вообще о вас кто-то помнит?»

Согласно Уголовно-исполнительному кодексу Республики Беларусь, осужденные могут получать корреспонденцию без ограничения. Вся переписка подлежит цензуре*.

«И в колонии мне действительно начали приходить письма от людей, которые мне писали в Следственный изолятор целый год, приходили письма там с двухзначной нумерацией, то есть, ну, человек писал, нумеровал, а я не получала ничего до этого. При этом, получается, что тот, кто писал... он, не получая ответа, вообще не понимал, куда он пишет, в никуда просто. И продолжал писать, причем не коротенькие там какие-то записочки, а такие хорошие, пространственные письма».

Как рассказали бывшие заключенные, **до января 2022 года** корреспонденция доходила до/от них нормально. Однако с января ситуация резко изменилась. Заключенным начали создавать информационный вакуум, оставив переписку только с близкими родственниками.

«Примерно с января 22-го года ограничили переписку, и начали доходить только письма от близких родственников, и на выход тоже ничего не выходило. Я пробовала писать там подружкам разными способами, и ничего не доходило, вплоть до того, что даже когда я там иногда писала как бы родителям, но там было письмо подружке, родителям эти письма тоже не доходили».

Многие из заключенных связывают ограничение корреспонденции с началом войны в Украине.

«...в феврале они перестали приходить. ... всем, с кем я общалась [из политических], у всех одинаковая ситуация, что приходит только от самых близких родственников, и то выборочно. С февраля 22-го года они перестали всем приходить, то есть от незнакомых людей, от друзей, ну, от всех. Это точно не решение отдельно нашей колонии. Потому что я разговаривала со своими поделщиками из мужских колоний, и мы выяснили, что у нас в одно время это всё случилось.

*После нового года их стало меньше-меньше-меньше, то есть мы прямо заметили, что очень большая разница. **Первыми перестали приходить заказные письма.** То есть, если раньше мы все, вся политика встречалась на заказных письмах, потому что их получали отдельно, то в какой-то мо-*

* УИК РБ. Ст. 85, части 1, 2.

мент мы просто поняли, что нет заказных писем. Потом начали уходить обычные. Потихоньку-потихоньку, а после 24-го вообще ноль, после 24 февраля.

Женщины рассказывают, что очень часто получение писем администрация использует как дополнительный шантаж заключенной. Например, заставляют признать вину.

«Потом, когда добились признания вины, все, опять отпустили ситуацию, опять нормально, спокойно переписывалась. То есть это просто любой повод для того, чтобы, если им нужно на человека надавить, человека сломать, они пользовались любыми поводами абсолютно».

Не выходила за стены колонии корреспонденция юридического характера — жалобы на администрацию, например.

«... все жалобы на нарушение прав уголовно-исполнительного кодекса в прокуратуру и не только, которые я отправляла из колонии, они не выходили из колонии. Значит, ответственное должностное лицо, которое этим занималось, их блокировало. За исключением жалоб на обжалование приговора».

Кроме цензоров, которые обязаны следить за содержанием переписки, этим занимаются уже по собственной инициативе начальники отрядов — для дополнительного прессинга на осужденных. Многие письма они уничтожают при женщине, самовольно трактуя их содержание, многие письма уничтожаются без ее ведома.

«Данила Валентинович Баранов узнал мое слабое место — это письма от мамы — и начал их систематически уничтожать. Он приходил в отряд, вызывал меня в одну из секций и говорил: «Итак — письмо. Я почитал и что-то здесь не так». Я: «А что здесь не так?» — «Слишком много цинизма. Цитата: «цинизма». Значит нужно писать без цинизма. Цинизм не используем». ...Значит выглядело это так: бралось несколько писем, взвешивалось, какое тяжелее, с фотографиями, открытками — и это на уничтожение. Было уничтожено в сумме более 10 писем от моей мамы подряд. То есть я больше месяца от нее не получала писем вообще. И это были и фотографии и какие-то открытки».

Пшеничникова письма любила рвать, причем даже обычные зэчки жаловались на нее, «Или ты там делаешь то, что мне надо, или я вот сейчас рву письмо».

В моем присутствии письмо рвут, составляют акт, что он ликвидировался, этот листок. И потом, через родителей я это пытаюсь узнать: а что ж такое мой друг написал циничного? На самом деле, мой друг поздоровался с цензорами. И это «циничный характер»».

Звонки

В месяц каждой осужденной, согласно УПК, положено 4 обычных и 2 видеозвонка с близкими родственниками. Как наказание для нарушителей звонки могут отменить.

«... телефоны прямо очевидно шумят. А в какой-то момент, когда тебе кажется, что это паранойя, ты начинаешь слышать на той стороне трубки не того человека, который с тобой разговаривает, а просто голос сотрудника администрации, который, скорее всего, сидит и контролирует, чтобы именно записывался разговор, или контролирует, что ты говоришь, потому что в любой момент, по сути, они это говорят, они могут вырубить запись и остановить свидание с родными».

Заклученные отмечают, что к декабрю 2022 года убрали два звонка, и остались один видеозвонок и 3 обычных.

Свидания с родными (краткосрочные и долгосрочные)

Согласно УПК, осужденным положено 1 длительное и 1 краткое свидание раз в 4 месяца. Однако добиться положенных свиданий получалось далеко не всем и не всегда. Лишение свиданий происходит за самые незначительные проступки по решению комиссии по наказаниям.

Краткосрочные свидания с родными проходят в специальном здании, где заключенные также встречаются с адвокатами.

«Это выглядит, как длинная будка, условно, и трубки, аппараты, возле каждого кресла. Там много аппаратов, я не помню, 6 с одной стороны, и 6 с другой стороны. Одна сторона для воли и одна сторона для осужденных... если есть возможность, политзаключенных пытаются изолировать».

Очевидно, что людей рассаживают на определенные места специально, чтобы содержание разговора можно было прослушивать и этому не мешали посторонние звуки от рядом сидящих.

Длительное свидание происходит в отдельном домике, там есть туалет и душевая, номера. Один номер — две кровати, тумбочки, стол и отдельная общая на всех кухня. Продолжительность свидания — от 1-х до 3-х суток.

Про свидания с родственниками осужденные должны известить их самостоятельно. Однако часто случалось, что они не успевали это сделать, потому что письмо может выходить из колонии и три дня. Длительные свидания администрация могла ограничить или лишить их — все происходит на ее усмотрение.

«...мне очень долго не давали длительное свидание. Каждый месяц писала заявление на свидание, мне его отклоняли по непонятной причине. За весь свой срок я была один раз на длительном свидании, и то мне его дали после того, как я обратилась к начальнику колонии и спросила, почему мне каждый месяц отказ дают без объяснений. В целом порядок такой, что у тебя раз в четыре месяца должно быть длительное свидание. За весь год, что я там была, у меня было одно».

Мне дали свидание на сутки. И там такое правило было: для экстремистов, которые признали свою вину, свидание на двое суток; кто не признал вину — одни сутки. Но это тоже метод такого давления».

Многие из бывших осужденных указывали на тенденцию: как только они писали заявление на свидание, у них обязательно находилось какое-то формальное нарушение и на них составлялся рапорт — за неопрятный внешний вид, например. Получив 3 нарушения, осужденная становится «злостником» (заключенный, который нарушает внутренний распорядок более 3-х раз). Находясь в этой категории, она автоматически лишается очень многого: вместо 4-х звонков в месяц 1 звонок, вместо 6-ти базовых величин на магазин — только 1 базовая величина. Кроме этого, осужденную лишают посылок.

«Я видела, как девочки мучаются, сколько это нервов стоит родным и вообще девчонкам получить это свидание, потому что то заявления терялись, то не подписывались, то где-то говорили, что «вы не писали ничего». Потом отменялись, потом сразу искали повод, чтобы составить рапорт и вызвать на комиссию по наказанию, чтобы лишить свидания.

Первые полгода мне просто не давали свидание. А потом, сразу после первого свидания, у меня была комиссия по наказаниям, по решению комиссии меня лишили свиданий, до конца срока у меня больше ничего не было».

Передачи от родственников осужденные могут получать раз в 3 месяца — до 50-ти килограмм, и вещевые передачи — дважды в год, но только от близких родственников. Причем средства гигиены можно было вложить только в вещевые передачи.

*«Я экстремистка, которая состоит в списке террористов, а это значит, что мне запрещены денежные переводы. Это значит, что я могу получать деньги исключительно со своей работы на фабрике. На фабрике зарплата маленькая, можно догадаться, я не получала больше 25 рублей **[примерно 7\$]** на руки. 25 рублей это очень хорошая зарплата, чаще всего ты получаешь 5 рублей **[примерно 1,5\$]**. И вот у тебя в месяц 5 рублей, вещевая передача пришла. А следующая может быть только через полгода, и у тебя заканчиваются прокладки. Делиться нельзя, купить в магазине ты, возможно, не можешь. Что делать?»*

Фото: Председатель Совета Республики Национального собрания Беларуси Наталья Кочанова в ИК-4 в рамках рабочего визита 5 августа 2021 года. Источник: belta.by

РАБСКИЙ ТРУД В ЖЕНСКОЙ КОЛОНИИ

Фабрика

«Условия содержания, работа на фабрике — это ад».*

В ИК-4 женщины трудятся на швейной фабрике, которая называется «Государственное предприятие № 4». Согласно версии властей, «Государственное предприятие № 4» — один из ведущих белорусских производителей специальной, рабочей и форменной одежды. Республиканское производственное унитарное предприятие «№4» находится на территории женской исправительной колонии. На сегодняшний день Государственное предприятие «№ 4» является фабрикой, которая располагает всеми необходимыми организационными подразделениями для производства швейной продукции, начиная с разработки моделей, изготовления образцов-эталонов в производственной лаборатории и заканчивая серийным (массовым) производством в швейных цехах»^{**}.

* Согласно ст.98 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь от 11.01.2000 N 365-3 (далее – УИК) каждый осужденный к лишению свободы обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных учреждений. Осужденные привлекаются к труду в исправительных учреждениях, в том числе к работам по хозяйственному обслуживанию, и в производственных мастерских внебюджетных подразделений исправительных учреждений или на предприятиях уголовно-исполнительной системы, а также на иных предприятиях независимо от форм собственности при условии обеспечения надлежащей охраны и изоляции осужденных. При привлечении осужденных к труду трудовой договор с ними не заключается. Согласно ч.6 этой же статьи отказ от работы или самовольное прекращение работы являются злостным нарушением установленного порядка отбывания наказания и влекут применение мер взыскания.

** <https://www.rup4.by/company/>

На фабрике существует несколько цехов, основными из которых являются раскройный цех и непосредственно цех по пошиву одежды. Установлена бригадная система, каждую бригаду возглавляет бригадир, которая также является заключенной. Помимо этого, в цеху работают вольнонаемные: мастер — профессиональная швея, которая контролирует процесс; технологи, которые разрабатывают и учат шить новые модели; контролеры, которые проверяют качество готовых изделий.

«Мастер — это человек со свободы. Мастер — это, в основном, женщина. ...они как бы швеи, я так понимаю, по образованию, ... они ничего не шьют, они просто следят за процессом».

Сразу после распределения в отряд, после карантина, женщина направляется на работу на фабрику. От работы на фабрике освобождены только женщины, достигшие пенсионного возраста. Сперва прибывшие проходят процесс обучения, срок которого установлен формально: 3 месяца для швейного и 4 месяца для раскройного цеха. Однако, фактически уже спустя неделю, от женщин требуют полноценной работы. К концу учебы женщинам присваивается 3-й разряд. Многие заключенные рассказывали, что на фабрике было очень много крика и претензий, рабочую обстановку едва ли можно назвать дружественной. Многие отмечали, что рабочие места осужденных по политическим статьям находятся в цеху строго под камерами наблюдения.

«Никто почти тобой не занимается, никто тебя сильно не учит, все только кричат, кидаются в тебя подачей, могут реально кидаться в голову даже. Просто кинуть твой крой, который ты должна шить, просто не принести, а кинуть и сказать: «Делай».

Политзаключенные садятся только туда, куда их посадят. Место, которое должно хорошо обозреваться камерой с разных сторон, чтобы было видно, что ты делаешь».

На фабрике шьют одежду для силовиков, сотрудников Следственного комитета, МЧС, военных, метрополитена, а также контингента мужских колоний.

«Мы милицейскую форму шили, военную форму шили, для внутренних войск, для КГБ там какие-то куртки были, потом были для метрополитена рубашки, для таможни были тоже рубашки, потом для других колоний там тоже, и для нашей, в том числе, форма для заключённых именно».

Работа на фабрике осуществляется в 2 смены. Первая смена выходит на построение в 7 утра и после проверки начинается рабочий день в 7:30

утра, заканчивает в 14:30. Вторая смена выходит на построение в 14:30, начинает работу в 15:00 и заканчивает в 21:30. В каждой смене есть один технический перерыв на 10 минут, а также в первой — перерыв на обед, а во второй — перерыв на ужин. На фабрике установлена 6-дневная рабочая неделя.

«Вывод на фабрику — это минут 40 надо стоять, туда тебя заводят, и вывод с фабрики — тоже еще минут 40, еще могут обыскивать дополнительно, личный досмотр проводить».

В реальности женщин заставляли выходить на работу в воскресенье, оформляя это либо как обучение, либо как «разнарядку». Под «разнарядкой» понимается выход на работу по заявлению по собственному желанию, что на деле иногда бывает «добровольно-принудительно». По «разнарядкам» женщины также могли оставаться на работе после завершения смены. Многие женщины писали «разнарядки» для того, чтобы попытаться выполнить норму выработки или чтобы избежать конфликтов внутри отрядов. Для стоящих на учете по экстремизму выход в «разнарядки» был запрещен, поэтому прикрытием для вывода их на работу по воскресеньям используется обучение. Таким образом, зачастую рабочая неделя длится 7 дней и женщины не имеют ни одного выходного.

«Политическим были запрещены разнарядки, потому что если они остаются на вторую смену работать, то они видятся с людьми из другой смены. Нельзя, чтобы политические виделись друг с другом».

«То есть рабочие воскресенья — они оформлены как добровольные, вроде бы ты подпись ставишь как добровольно, но, как, допустим, это и с подписями в кандидаты в президенты, да? Это твоя добровольная инициатива, но на самом деле нет, на тебя будет оказываться давление. И это очень неприятно. По бумагам все хорошо, ты сама согласилась пойти в это воскресенье работать, но нет, все вокруг сделали очень много усилий, чтобы ты поставила эту подпись. За отказ от работы следовали сразу же... это считалось серьезным нарушением, и сразу же сажали в штрафной изолятор. Если не хотел идти в штрафной изолятор, то ты ходил на работу даже по воскресеньям».

Замглавы администрации Лукашенко Ольга Чуприс описала условия содержания осужденных в ИК № 4 во время своего визита на фабрику: «В чем-то даже на уровне домашних. Полноценное питание, залы для занятия спортом, творчеством, рукоделием — понятно, что нет свободы, но внутри создано все, чтобы осужденные могли быть здоровыми, раз-

Фото: Заместитель главы Администрации Лукашенко Ольга Чуприс на швейном производстве в ИК-4.
Источник: газета «На страже»

виваться, чтобы могли почувствовать себя личностью. Можно учиться, приобрести специальность, работать»*.

В то же время женщины рассказывают об очень сложных условиях, в которых им приходилось трудиться. Так, летом — это невыносимая жара, зимой — холод. Женщинам не выдают удобную одежду и обувь для работы. В цехах очень пыльно, многие ткани обработаны растворами, вызывающими аллергическую реакцию.

«Там было темно. Для фабрики мне хотелось бы больше света, я почувствовала, что у меня понизилось зрение.

Поскольку это электрические машинки, по технике безопасности должна быть обувь с резиновой подошвой обязательно. Ее никому не выдавали.

...очень пыльно, дышать вообще нечем. Ткань идет такая с пропитками ужасными. Кто аллергики, это вообще, кто астматики, там настолько страдают, тяжело очень».

«Зимой очень холодно. У нас как-то был долгий период, почему-то не было отопления на фабрике, и вообще было очень-очень холодно. Ты не можешь работать в телогрейке, потому что это не по уставу, не по форме. И ты даже не можешь на себя шарфик накинуть, например, потому что это нарушение формы одежды».

«Я работаю на пыльной фабрике, температура в которой 40 градусов. Я потная, мокрая, грязная, пыльная и я не имею

* <https://news.zerkalo.io/life/59025.html>

возможности помыться, потому что за помывку не в банный день составляется рапорт».

При этом нормы выработки являются высокими. Весь процесс изготовления изделия разделен буквально на секунды, и каждая женщина должна выполнить свою норму, что практически невозможно. От выработки каждой женщины зависит выработка всей бригады, а значит, и заработная плата. При этом оборудование на фабрике в основном старое и постоянно ломается.

«Надо шить быстро и качественно, иначе на тебя кричат, злятся. Если что-то там сделал брак, на тебя могут написать рапорт и ШИЗО.

Нормы, конечно, вообще просто непонятные, из чего они, из каких ... Они требовали, хотя бы 60. Я говорю, так вы сядьте, попробуйте! Просто только вот эти там три с половиной тысячи раз просто поднять-опустить лапку».

Также многие женщины отмечали ужасное состояние туалетов на фабрике: без кабинок, разбитые, источающие ужасные запахи. Когда туалеты не работали, то на фабрике не было и воды, что не позволяло ни попить, ни помыть руки, а в туалет женщины ходили на улицу. Когда в колонию приезжала проверка, то женщинам вообще запрещали ходить в туалет.

«Очень часто на фабрике не работал туалет. Он закрывался, и мы ходили за территорию фабрики, в туалет на улицу. ... в туалет сходить было просто невозможно и то же самое касалось питьевой воды, питьевые фонтанчики они были. Но когда не работал туалет, не работала и питьевая вода.

О, я помню вообще замечательно: когда проверка приезжает, вы никуда не можете встать вообще, а самое прекрасное — то, что закрывают туалет. Ты там сиди, хоть обосцись, ты не можешь сходить в туалет».

Подобные условия рабского труда, накапливающаяся усталость, старое изношенное оборудование, невыполнимые нормы выработки способствуют травматизму на фабрике. Однако производственные травмы оформляются в исключительных случаях — при серьезных увечиях. В иных ситуациях женщин даже не отвозят в больницу для получения квалифицированной медицинской помощи, им не выдается больничный и они продолжают работать с полученной травмой.

«Меня проводили в кабинет, где сидят мастера. Мастера мне обрабатывали перекисью. Замазывали ледомиколь, с ан-

тибиотиками мазь, и пластырь давали заклеить и все. И я дальше шла работать».

«... из-за того что тебя все торопят, еще кричат и неадекватная психологическая обстановка, можно себе прошить палец. И такое не раз бывало, как люди прошивали, а потом эти случаи пытаются замять, что якобы это не травма на производстве.

Во-первых, машинки старые, добитые, оборудование ужасное. Там очень много несчастных случаев. При мне женщина за неделю до освобождения себе отрезала три пальца раскройной машиной».

Уровень заработной платы в колонии ничтожно мал. Женщины рассказывают, что способны были выполнить лишь 30-40% выработки. Только если женщины берут «разнарядки», что не доступно для политических заключенных, и работают сверхурочно для выполнения необходимой выработки, их уровень зарплаты достигает трехзначной цифры. Но из зарплаты удерживается 75% на их содержание, а если у женщины есть алиментные обязательства, то удерживается еще 20%, то есть всего 95%.

«В какой-то момент у меня вышло около 140 рублей **[примерно 42\$]** за месяц и для меня это был личный рекорд. И я получила с этого 25-30 рублей **[примерно 7-9\$]**. Несколько месяцев у меня такая зарплата была».

«В раскройном цеху она выше, чем в швейных цехах. Там зависит от процента. У меня, по-моему, самая маленькая — это была 40 рублей **[примерно 12\$]**, а самая большая — это была, по-моему, 119 **[примерно 36\$]**, если я не ошибаюсь. Ну это именно то, что перечислялось на счёт».

«Мой первый квиток о зарплате был 0,44 копейки белорусского рубля **[примерно 0,13\$]**. В последующие месяцы зарплата была чуть-чуть большей. Иногда даже доходила до 2 или 3 рублей белорусских **[примерно 0,6-0,9\$]**».

Уборка территории, плуг, дежурства

«По самообслуживанию абсолютно все. Они же очень гордятся тем, что колония вообще выстроена на самообслуживании».

Фото: Заключенные в ИК-4 на открытии реабилитационного центра в июне 2021 года. Источник: скриншот видео ТРК «Гомель».*

Согласно статье 101 УИК, осужденные к лишению свободы могут привлекаться к выполнению работ без оплаты труда только по коллективному самообслуживанию, в том числе, по уборке и благоустройству исправительных учреждений и прилегающих к ним территорий. К указанным работам осужденные привлекаются в порядке очередности в свободное от работы время. Продолжительность работ не должна превышать 14-ти часов в неделю.

Помимо работы на фабрике за копейки, женщины вынуждены выполнять различные хозяйственные работы, перечень которых очень велик. Зачастую у осужденных просто не остается никакого свободного времени, и они, отработав 7 часов на фабрике, затем до отбоя выполняют иные обязанности, возлагаемые на них администрацией. Очень часто обязательные работы превышают максимально установленные законом 14 часов. Порядок дежурств и выполнения иных обязательных работ построен в разных отрядах по-разному, что вносит дополнительный стресс и неудобства при перемещении между отрядами, часто практикуемом в отношении политических заключенных.

«И, естественно, зимой это переходило за 14 часов, потому что это снег, и ты находишься, ну все то время что ты не находишься на фабрике, ты находишься на улице, ты убираешь этот снег.

* <https://news.zerkalo.io/life/45480.html?c>

Но еще у каждого получается свое дополнительно расписание дежурств. Дежурства там всего на свете, по всему: по калитке, по столу — это на коридоре надо сидеть два часа. По тому же коридору, ПВР, туалетах, потом еще надо ходить обязательно в клуб, на промку обязательно надо каждый день ходить, локалку тоже убирать. ... ты постоянно где-то бежишь... А еще уборка по секции».

Графики дежурств составляются, как правило, завхозом отряда. Подходы к составлению графиков в разных отрядах отличаются. Так, в большинстве отрядов дежурства распределяются поочередно между всеми заключенными, то есть, например, дежурство по уборке туалета поочередно несет каждая из отряда. Однако, в некоторых отрядах один из видов дежурств поручался одной заключенной и она постоянно должна была дежурить, например, по туалету.

Существуют следующие виды дежурств:

1) дежурство по калитке (длится 1 час в день, женщина стоит у калитки на входе в локальный участок, фиксирует и рапортует всем о перемещениях заключенных в отряде);

2) дежурство по столу (длится 2 часа в день, женщина сидит за столом на входе в отряд, отвечает на звонки, фиксирует перемещения заключенных и рапортует о них приходящим сотрудникам);

«Если на калитке подходит кто угодно в форме, ты обязан со своей таблички рассказать, что там здравствуйте, в отряде таком-то содержится столько-то человек, на данный момент там столько-то там-то, там-то, там-то, там-то. Значит, кроме промки, дежурства на калитке. Это каждую неделю, получается, на калитке был пост стоять по часу».

3) дежурства по уборке туалетов, умывальников, коридора, вектора, кухни, каптерки, ПВР, секции, подъяедальной, телогреечной.

«... дежурство по туалету. Ты не должен из этого туалета, в принципе, вылезать никогда. То есть ты его должен драить, драить, драить и драить.

И политические каким-то волшебным образом дежурят больше остальных. Поэтому, когда человек попадает в отряд, так как он новенький, на него навешиваются все виды дежурств».

4) дежурство по белью (заключается в доставке белья в стирку и обратно);

5) дежурство по чистке картофеля и овощей.

«Вот в 9-м отряде, где я была последние полгода, оперативный работник Кузнецов установил такие правила, что те, кто стоит на профучете по экстремизму, ходят независимо ни от чего на все чистки картошки, морковки, лука. Бывало такое, что 3 дня подряд мы чистим картошку с луком.

Бывало, что мы 80 мешков картошки должны были почистить. Ну там нас идет человек 20, за пару часов мы должны очень быстро все это почистить тупыми ножами».

Одной из самых сложных обязательных работ женщины называют «промку» — уборку промышленной зоны. За каждым отрядом закреплена отдельная территория улицы колонии, где они должны поддерживать чистоту и порядок — убирать листья, снег, сметать пыль. Особенно тяжело приходится зимой, когда женщины постоянно колют лед, убирают снег, носят тяжелые мешки со снегом по всей территории. Зачастую указания администрации выглядят просто как издевательство. Женщины убирают лужи тряпками, таскают тяжелые мешки со снегом с места на место. Уборка снега состоит в собирании его в мешки, которые заключенным не выдают (им приходится их самостоятельно шить и упрашивать разрешить вынести их с фабрики, а если разрешение не дают, то снег приходится убирать в собственное постельное белье). В мешках снег переносится в специально определенные места, где формируются снежные горы. За рассматриваемый период менялся подход к возможности привлечения к данным работам осужденных, стоящих на учете по экстремизму: им то запрещали поручать уборку промышленной зоны, то разрешали снова.

«... На что ДПНК Янченко сообщил о том, что сейчас снег не падает, зачем вам мешки. И не разрешил нам забрать мешки для мусора. А на следующий день выпал снег. И снег мы носили в собственных одеялах, в которых спим, под которыми спим, которыми накрываемся ночью».

«У меня уже просто, когда я открывала глаза утром и видела в окно, что идет снег, мне просто хотелось рыдать. Это очень тяжелый физический труд, прям действительно тяжелый физический труд.

То есть идет дождь — мы убираем дождь. Идет снег — мы убираем снег. Не должно быть ни одной снежинки. Всё это убирается до асфальта. Это такие вот именно те осужденные, которые давно отбывали наказание,

да, по наркотикам, которые сидели по 6 лет, там по 10, они говорили, что никогда такого не было, что это только появилось сейчас, когда пришли политические».

Женщины, которые выполняют маленький процент выработки на фабрике, также привлекаются к выполнению инвентарных работ. У каждого отряда в месяц есть 3 инвентарных дня, когда завхоз колонии привлекает женщин-инвентарщиц к выполнению своих поручений — перенести мебель, бревна и другое. Кроме того, женщины постоянно привлекаются к выполнению погрузочно-разгрузочных работ, в ходе которых носят тяжелые мешки с картофелем, овощами, переносят кровати, мебель. При этом администрация исправительного учреждения полностью игнорирует установленные предельные нормы подъема и перемещения тяжестей женщинами вручную, установленные Постановлением Министерства здравоохранения от 13 октября 2010 г. N 133:

Характер работы	Предельно допустимая масса груза <*>
Подъем и перемещение тяжестей при чередовании с другой работой (до 2 раз в час)	10 кг
Подъем и перемещение тяжестей постоянно в течение смены	7 кг
Суммарная масса грузов, перемещаемых в течение часа:	
с рабочей поверхности	До 350 кг
с пола	До 175 кг

«Если у вас инвентарный день, то в любой момент может прийти в отряд завхоз колонии и сказать, что мне нужно там 15 человек, чтобы носить столы или носить бревна.

...вот привозят 120 мешков картошки. Машина целая. И все становятся в рядочек и начинают это все выгружать. Кто-то залазит наверх, скидывают эти мешки, опускают, и все остальные тянут все это».

Еще одним видом работ, к которым привлекаются заключенные, за исключением стоящих на учете, является **уборка и рыхление контрольно-следовой полосы** (КСП). Контрольно-следовая полоса — это промежуток земли между тремя рядами заборов, ограждающих колонию. КСП должна быть всегда взрыхлена, чтобы если кто-то пройдет, то остались следы. Рыхление земли на КСП происходило с помощью инструмента, который сотрудники называли «машка». Этот инструмент напоминает небольшой плуг. Женщины были вынуждены «впрягаться» в него, как лошади, и рыхлить землю.

«Туда в целом за забор не должны попадать заключённые. Раз в месяц каждый отряд ходит на контрольно-следовую поло-

су, им дают инструмент, чтобы вспахать землю... Нет, не грабли. Такая штука, в которую впрягаешься, и она рыхлит землю.

Впрягали обычных людей и заставляли, как лошадь, идти с этим плугом на шее. Собственно, они таким образом и издевались, и при этом выполняли свою работу, то, что должны выполнять они».

Медицинское обслуживание

*«Медсанчасть не уступает городским поликлиникам: здесь есть все необходимое для лечения — от современных УЗИ-аппаратов до стоматологического кабинета, а также палаты для стационарного лечения.»**

Несмотря на восхищение медсанчастью пропагандистского издания, бывшие заключенные рассказывают о ряде проблем с получением медицинской помощи. В колонии существует выдача медицинских препаратов, где можешь получить таблетки, выписанные тебе врачом. Также срочную медицинскую помощь оказывают фельдшеры и дежурные врачи, однако, учитывая плотный график осужденных, попасть к ним проблематично. Фельдшеры выдают экстренные препараты от простуды, обезболивающие, не разъясняя, какие именно это таблетки, не выясняя возможность аллергических реакций, а зачастую отказывая в выдаче обезболивающих без назначения врача, приема у которого надо ждать неделями.

«К терапевту у меня получилось попасть только через полторы недели, и за это время у меня начался бронхиальный кашель такой, что я испугалась, что у меня астма».

«Нет, он сейчас болит, вот он сейчас болит, у меня сейчас месячные, мне надо к врачу. «Я не могу без рецепта вам выдать таблетку». ... ты с этой болью идешь и стоишь на проверке полчаса, потом ты с этой болью идешь на инвентарную работу, а потом ты с этой же болью фигачишь снег».

Многие женщины отмечают безразличное отношение к своей работе фельдшеров. Приема у узких специалистов ожидают месяцами. Меди-

* Из интервью с бывшей начальницей ИК № 4 Светланой Походовой «Исправительная колония № 4 - от мечты до мечты», <https://kvb.by/rubric/obschestvo/ispravitel'naya-koloniya-n-4-ot-mechty-do-mechty>

цинские препараты хранить у себя запрещено, и для их получения все время необходимо приходить в медицинскую часть в сопровождении. В выходные дни врачи в колонии отсутствуют и есть только выдача препаратов. Если женщине становится плохо на фабрике, то решение о том, отводить ее в санитарную часть или нет, принимает бригадир и мастер. Очень часто эти некомпетентные сотрудники отказывают женщинам в получении медицинской помощи, и они вынуждены продолжать работу.

«То есть их абсолютно не заботит жизнь и здоровье тех, к кому они идут. Ну я столько раз видела эту фривольную такую походку и столько раз задавала себе вопрос: «Ну, чувак, тебя вызвали срочно, человек без сознания лежит». А они, им, им плевать, абсолютно плевать».

«В середине января у меня случился очень сильный астматический приступ, при этом это была суббота, то есть врачей не было в санчасти. Я понимала, что помощь мне никто не окажет».

«В другие разы уже если становится плохо на работе, они отказываются выводить. Они считают, что голова болит - это не серьезно, что ты притворяешься, что можно работать. То есть никак, чтобы они отвели к врачу с работы, это нужно уже просто падать, просто упасть».

На женщин оказывалось давление и принуждение делать прививки от COVID, при этом женщинам угрожали лишением свиданий, передач. Осужденные рассказывают, что многие чувствовали себя плохо после российской вакцины «Спутник», однако никто не освобождал их от работы, а пропущенный из-за прививки поход в баню им не возмещали, и женщины 2 недели не имели возможности помыться.

«И причем привили всех Спутником. И это такая достаточно тяжелая вакцина, и всем прям было плохо на следующий день. ... Хотя при этом никакого даже постельного режима им не назначили».

«...в этот же день предлагали сделать прививку от ковида, тоже с такой формулировкой, что если ты отказываешься, то никакого свидания ты не получишь, и как бы проблемы с посылками тоже у тебя будут большие».

Несмотря на плохое самочувствие, больничные выдают в исключительных случаях. Женщины продолжают ходить на фабрику и выполнять обязательные работы — носить снег, мешки с овощами, дежурства. Некоторые

осужденные отмечают, что к политическим заключенным было особое отношение и им особенно часто отказывали в выдаче больничных.

«Ты приходишь туда, ты с желтой карточкой, и даже если у тебя там температура 37,7, то это нормально, ты вполне готов идти на фабрику, тягать снег и делать все что угодно».

«У врача лежит бумажка от оперативников, потому что ... не признает вину, ... больничный не давать. Естественно, несмотря на то, что я умираю, у меня температура, я заболела, у меня кашель, я истощена, у меня нет физических сил ходить на фабрику и работать, мне все равно не дают больничный. Мне прописывают антибиотики. Я иду в медсанчасть, чтобы получить антибиотики, а мне говорят, что у нас нет этих антибиотиков».

По показаниям здоровья врач может вносить в карточки заключенных ограничения по труду. Однако на практике эти ограничения не исполняются и служат основанием для дополнительных издевательств со стороны администрации и осуждения от других заключенных.

«...дали как освобождение от поднятия тяжести. Но не во всех отрядах это помогало, то есть где-то мне помогало, как бы меньше меня третировали. Я говорила, у меня вот освобождение, а где-то наоборот, говорили, что «ничего страшного, не можешь много, значит, бери ...столовую ложку .. и ложкой нагребай в пакетик там до трех килограмм и носи пакетиком по три килограмма»»

Фото: Политзаключенная журналистка Екатерина Борисевич после выхода из ИК-4.
Источник: Правозащитный центр «Весна»

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

*«Желтая бирка – это ты уже меченый, которым... много чего нельзя».**

«...эта была какая-то указка сверху нас добить. То есть это всегда были какие-то волны. Самая такая серьезная тяжелая волна была, когда Оля Горбунова объявила сбор денег. Это какой-то марафон был и нам собрали полмиллиона долларов, по-моему».

Как рассказывают бывшие заключенные, практически всех задержанных по «политической статье» автоматически ставят на профилактический учет как «склонных к экстремизму и другим деструктивным действиям». Некоторым добавляют другие профучеты, например, «склонного к насилию к администрации и захвату заложников», «склонного к суициду и членовредительству», «склонного к побегу» и т.д. Всего существует 10 категорий профучетов**.

«Профучет экстремистский – это 10-й профучет. Соответственно, есть какие-то еще 9, ну как минимум, может быть и больше. Есть суицидники, склонные к нападению, склонные к побегу, склонные... ко всему на свете склонные».

* <https://baj.media/ru/verh-cinizma-ekskursiyu-po-ik-17-propagandistam-s-belarus-1-provodil-eks-zhurnalist/>
** <https://spring96.org/ru/news/107768>

Профилактический учет не предусмотрен уголовно-исполнительным кодексом и регулируется исключительно внутренними документами, которые отсутствуют в открытом доступе и не предоставляются заключенным для ознакомления. Поэтому четких правил постановки на профучет нет. На практике на учет по экстремизму ставят всех политических заключенных, особенно осужденных за участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, участие в массовых беспорядках и за такие статьи как оскорбление представителя власти, оскорбление президента, разжигание розни, злостное хулиганство.

«По тем статьям, которые явно были с политическим отсиживанием, ставили на профучет не в колонии, а еще в следственном изоляторе».

Все женщины, стоящие на профилактическом учете, должны носить желтую бирку на форменной одежде. Таким образом, каждая осужденная и каждый сотрудник издалека видят, к кому нужно относиться по-особенному. Эти желтые нашивки также еще один способ найти нарушения: периодически проверяющие с линейками измеряли эти нашивки и их расположение на одежде, чтобы обнаружить несоответствия требованиям.

«Дело в том, что очень часто именно к политике приходили проверять наши знаки, как они пришиты. То есть там есть какой-то стандарт, допустим, 10 сантиметров от плеча должно быть. Они приходили с линейкой, если что, они просто его отрывали, заставляли перешивать».

Помимо постановки политических заключенных на профилактический учет, существует градация по степени их значимости и заметности. Так, наиболее известные политические заключенные находятся под большим контролем и давлением. Таких, а также тех, кто отказывается от сотрудничества, от признания вины и иных действий, требуемых от них администрацией, помещают в так называемые пресс-отряды. Таковыми в ИК-4 считаются 9-й и 18-й отряды. Их специфика в том, что находящиеся там заключенные постоянно следят друг за другом и сообщают администрации о любых нарушениях, а также постоянно провоцируют или даже подстраивают нарушения. Также заключенные выделяют 3-й отряд, оперативным сотрудником которого является Черный. Сложности нахождения там связаны с выстроенной Черным сетью информаторов и провокаторов.

«Она попала в пресс-отряд, 9-й отряд, где выливали политическим воду на кровать, лезвия вставляли. И это было не ко

всем, только вот на кого есть заказ... эта девочка тоже не признавала свою вину и тоже получила за это».

«... это самый жестокий отряд, если вот можно попасть в ад, то это именно то место [про 9-й пресс-отряд]».

«Насколько я знаю, ну, изначально там 18-й отряд же считается таким, ну, пресс-отрядом. ... с указания сотрудников сверху много осужденных по заказу подставляет наших девочек».

Стоящие на профилактическом учете заключенные имеют ряд ограничений и особых условий отбывания наказания. Так, в секторе им выделяется кровать на верхнем ярусе в проходе напротив двери, чтобы их всегда было хорошо видно. На всех построениях и проверках они стоят в первом ряду. Вещи им разрешают хранить только на верхних полках в каптерке, что создает ряд серьезных неудобств.

«Это типа был первый ярус стеллажа, то есть он находится прямо под потолком, и это очень неудобно. Очень неудобно туда лазить, потому что для этого тебе нужно использовать стремянку, лестницу. При том что обычно на вот этом 5-м ярусе, там никто не живет, кроме политических».

Помимо двух проверок в день, для политзаключенных существует еще две дополнительные проверки, а это значит, что еще больше времени они проводят на улице на проверках в любую погоду. При этом администрация запрещает заключенным с бирками общаться друг с другом. Кроме того, у стоящих на учете по экстремизму чаще чем у других заключенных и в более грубой форме проводятся обыски.

«По правилам внутреннего распорядка прописано, что в ненастную погоду, при отрицательных температурах, при очень низких температурах проверки проводятся в здании. Это правило вообще не действовало».

«И вот со мной в отряде была одна политическая, но нам запрещали с ней общаться, просто запрещали под страхом наказания».

Заключенным на учете запрещено ходить в клуб, спортивный зал, церковь, колледж на уборку КСП. Иногда вводились запреты и на уборку промзоны. Также возможность позвонить им предоставлялась только раз в месяц и в присутствии начальника отряда, а иногда и оперативного сотрудника. Длительные свидания предоставляются не более чем на 2

дня без выноса (возможность взять оставшуюся со свидания еду). Также политическим максимально ограничивают возможность переписки, выдавая письма только от самых близких родственников.

«Плюс тебе нельзя, например, ходить в клуб, плюс ты не можешь посещать колледж, в спортзал тоже какое-то время нельзя было ходить».

«...тебе набирают номер, и сидит начальница отряда и слушает. Но не только начальница отряда, первое время они постоянно звали оперативных сотрудников».

Политические заключенные часто получают взыскания, а поощрительные рапорты для них невозможны. Как невозможно и признание их ставшими на путь исправления, что является обязательным условием перевода на лучший режим или замены наказания или условно-досрочного освобождения.

«...не было еще ни разу прецедентов, чтобы кто-то получил поощрительный рапорт, то есть мне кажется, что в случае, когда у тебя политический профучет, это в целом невозможно».

Но еще такой момент, наверное, самый, мы не можем встать на путь исправления вообще никак».

Женщины-бывшие политические заключенные отмечают, что оперативные сотрудники прилагали много усилий, чтобы создать атмосферу подозрительности и недоверия среди политических заключенных. Они настойчиво склоняли к сотрудничеству и давали понять, что все остальные уже согласились на это. В то же время для обычных заключенных «настучать» на политического — особенно ценно, их за это хорошо награждают.

«А также он мне сказал: «Ты такая честная и такая наивная, вот будешь освобождаться, я тебе покажу записи и узнаешь, сколько твоих подружек на самом деле рассказывают все и делятся всем и замечательно себя чувствуют». Спойлер: никаких записей мне не показали».

Нас было очень сложно развести на сотрудничество. Ну то есть доходило до того, что мне угрожали, что продлят срок. Есть такая статья 411 — до года».

НАРУШЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ

«Центр Европы, 21-й век, а людей сажают в клетку под открытым небом, как животных».

Согласно статье 112 УИК, за нарушение установленного порядка отбывания наказания к осужденным к лишению свободы могут применяться следующие меры взыскания:

1. выговор;
2. внеочередное дежурство по уборке помещений или территории исправительного учреждения;
3. лишение права на получение очередной посылки или передачи;
4. лишение очередного длительного или краткосрочного свидания;
5. водворение осужденных, содержащихся в исправительных колониях и тюрьмах, в штрафной изолятор с выводом или без вывода на работу либо учебу на срок до пятнадцати суток;
6. перевод осужденных, признанных злостно нарушающими установленный порядок отбывания наказания, в помещения камерного типа на срок до шести месяцев.

Комиссия

Согласно части 4 статьи 113 УИК, взыскания налагаются постановлениями должностных лиц исправительных учреждений, имеющих право налагать взыскания.

Законодательство не содержит понятия «комиссия по наказаниям», однако на практике решение о наказании принимается именно такими комиссиями. В состав комиссии входят начальник колонии, оперативные сотрудники, начальник исправительного процесса, психолог, начальница отряда, в отношении заключенной которого рассматривается рапорт. До того, как собирается комиссия, на заключенную составляется рапорт за нарушение и у нее берутся объяснения.

«О, комиссия по наказаниям — это вообще отдельная тема. Там заседает начальник колонии, все его приближенные, и начинается шоу, «Да ты такая, ты сякая, да ты вообще. ... Да сгноить тебя надо»».

Часто члены комиссии используют психологическое давление и угрозы в адрес женщин. Попытки защититься, как правило, воспринимаются агрессивно. За одно и то же нарушение некоторые женщины получают просто отметку о проведенной беседе, а некоторые сразу направляются в ШИЗО.

«И уже начальник колонии мне такой: «Вы понимаете, что вы у нас уверенным шагом идете к злостнику? Вы понимаете, что следующее ваше наказание будет уже только штрафной изолятор? Уже мимо штрафного изолятора не пройдет». Алехин сидит, говорит: «Вы же поймите, что все про вас известно, каждый шаг известен. У нас же такие камеры. Мы же так прямо за вами за всеми следим».

При рассмотрении рапорта на комиссии положительно оценивался факт признания вины заключенной и написание ею заявления на помилование. Также одной из женщин от начальника колонии поступало предложение сняться в видео на политическую тему.

«И я помню, что в этот момент высказалась эта начальница исправпроцесса, из-за которой я и написала эту дурацкую, блин, помиловку. Она говорит: — Да, все нормально, она написала помиловку, всё окей. И начальник колонии: — Ну, ладно, тогда хорошо. И, короче, мой приговор по этому рапорту был... он звучит как «ограничились беседой».

«Еще на комиссии начальник колонии какие-то очень странные тоже делал намеки: — А не хочешь ли ты сняться в видео?»

«Тем кто не угоден, если есть какой-то приказ свыше, то они ставят «злостный нарушитель». Это значит лишение многих благ... то есть тебе ставят сначала злостного нарушителя, а потом ... если они захотят продлить срок, у нас в законе есть замечательная статья под номером 411... Это резиновая статья, то есть первая часть, она до года, но чаще всего ставят один год, вторая часть до двух лет. И так они могут хоть каждые пол года снова, снова и снова ... продлять срок содержания в колонии до бесконечности».

Нарушения

Перечень нарушений, за которые заключенные могут получить взыскание, очень широк. Причем создаются такие условия, в которых не допустить нарушений очень сложно, если не невозможно. Но в то время как на такие нарушения у обычных заключенных могут закрыть глаза, для политических заключенных администрация использует каждую возможность наложения взыскания. Если нарушения нет, то его могут просто придумать. Доказать же свою невиновность невозможно.

«Дежурство на калитке... Завхоз, такая уже шестерка, которая в сговоре с товарищами милиционерами, говорит: «... тебе вот прям сейчас надо идти на звонки, потому что уже отзванивают ваших политических, вместо тебя постойт там, условно, Катя». Я как бы ничего не подозревая пошла на эти звонки. А на следующий день ко мне подходят, «... ушла с дежурства»... ну и все, вот здравствуй, новый рапорт у меня. Я стала злостником...

На заключенных составляют рапорты за разговоры в строю, отлучку с дежурства, хранение просроченных лекарств или лекарств, рецепты по которым истекли, хранение запрещенных вещей или вещей, которые не числятся в твоей описи, нарушение расписания, использование нецензурной лексики. Также часто рапорты составляются за нарушение формы одежды.

«Абсолютно все разговаривают в строю, но экстремисток за это очень часто ловят и дают нарушение».

«... форма одежды может быть нарушена не только в виде, ну типа там пиджак с юбкой, а нужно было надеть платье с пиджаком, а может быть в том числе, пуговица открыта, не застегнулся на все пуговицы».

Реальная причина наказания и нарушение согласно рапорту не всегда совпадают. Так, если женщина делает что-то, что не нравится администрации, но за это ее официально наказать невозможно, то нарушения создаются искусственно оперативными работниками или с использованием заключенных, которые сотрудничают с администрацией.

«...я не побоялась, я подошла к проверке поговорить с этой проверкой и рассказать, что нарушаются права и так далее, и какой ужас там творится. Их сопровождал начальник колонии, он услышал все, что я озвучивала. Буквально через 10 минут был вывод фабрики в отряд, то есть конец рабочего дня и рабочей смены, и на досмотре у меня якобы достают кипятильник из кармана. У меня в кармане не было никакого кипятильника, это вообще не мой... Я собственно у них и спрашивала: «Ребята, вы чего? Что мне не нужен кипятильник, что вы такое говорите? Это не мое»... Зюзин ...говорит: «Ах так! У тебя еще и слово «ребята» проскочило! У тебя, значит, все... это еще одно нарушение за оскорбление, что не по форме обращаешься к сотруднику». Вот и тут же они придумали какое-то третье, а третье - они сказали, что я неправильно читаю рапорт, то есть там представляться нужно как-то по-иному. То есть, когда мне сказали «представьтесь пожалуйста!», я всегда представлялась «незаконно осужденной», а они сказали, что это тоже нарушение и посадили меня в штрафной изолятор».

Администрация всячески борется с проявлением взаимопомощи и поддержки среди заключенных. Для этого даже существует термин «семейничество». Любые действия, направленные на заботу о другом человеке, или просто дружеские отношения могут быть подведены к нарушению за это «семейничество». Оказание помощи другим заключенным также запрещено, так как считается использованием других осужденных в своих корыстных целях.

«Просить помощи, кстати, в том числе это нарушение. Потому что есть пункт правил внутреннего распорядка... «использовать труд других осужденных в своих корыстных целях».

То, что вы вместе будете одновременно есть, это в том числе при желании может оперативниками интерпретироваться как семейничество, что является нарушением».

«Рапорт на нее написали первый за то, что она в тот момент, когда я пришла с фабрики, она меня начала успокаивать. Я пришла от опера и она меня начала успокаивать. Составили рапорт, что она в этот момент материлась».

Одним из самых распространенных нарушений является так называемое «отчуждение и присвоение». При этом данное понятие трактуется очень и широко и любой факт передачи вещи даже во временное пользование подпадает под нарушение.

«И особенно было удивление моего папы, когда ему на видеозвонке говорю: «Я поделилась мороженым с ребенком. Это бывшая малолетка, восемнадцатилетняя девочка. То есть я сделала то, чему ты меня учил, папа, я поделилась. И за это мы не увидимся 9 месяцев». На что мой папа сказал, что он мной гордится».

«Одно взыскание, что она дала на чистке картошки, это обязательная у нас процедура, девочке дала перчатку резиновую, одноразовую, потому что та порезала руку. Вот, отчуждение-присвоение. И она, и эта девочка получили по рапорту».

ШИЗО

Одним из самых тяжелых наказаний является помещение осужденного в штрафной изолятор (ШИЗО). Осужденным к лишению свободы, водворенным в штрафной изолятор, запрещаются длительные и краткосрочные свидания, телефонные разговоры, в том числе с использованием систем видеосвязи, приобретение продуктов питания и предметов первой необходимости, получение посылок, передач, бандеролей и мелких пакетов, отправление и получение писем, пользование настольными играми и курение. Постельные принадлежности им не выдаются, прогулки не предоставляются*. Осужденным разрешается брать в ШИЗО (ДИЗО) имеющиеся у них тапочки, чулочно-носочные изделия, натель-

* Ч. 1 ст. 114 УИК

Иллюстративное фото. Источник: nashaniva.com

ное белье по сезону, полотенце, зубную пасту, мыло и зубную щетку в пластмассовых футлярах, туалетную бумагу по одному комплекту (единице).^{*} Обычно помещение в штрафной изолятор применяется на третьем нарушении, однако бывает, когда заключенную помещают в ШИЗО с первого нарушения.

«... в штрафном изоляторе ... у меня даже расчески не было. В штрафном изоляторе у меня была только зубная щетка, зубная паста, кусок мыла и туалетная бумага. Все, больше ничего. И костюм, который на мне, тоненький, чувяки еще - обувь».

Женщины описывают условия в ШИЗО как очень тяжелые. Там холодно и невозможно согреться из-за отсутствия теплой одежды. Само помещение составляет площадь около 3 квадратных метров и полностью состоит из бетона. По радиоточке крутят пропагандистские материалы.

«Штрафной изолятор - это очень маленькая камера бетонная и очень-очень холодная, дырявые окна. Ну не окна, а окно. Ты сидишь внутри бетона и ты сидишь на бетоне. И эта ступенька бетонная и она же обшита по торцам железом. На железе появлялся иней от холода».

^{*} П.т305 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утв. Постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 20.10.2000 N 174 (ПВР).

«Затем ты сидишь и ожидаешь. По радио тебе включают пропагандистские аудиоролики и постоянно (причем это каждый день) промывают мозг».

Несмотря на максимально установленный срок нахождения в штрафном изоляторе в 15 суток, на практике женщины находятся там дольше. Это оформляется как новое нарушение.

«На тот момент, когда я была в колонии, рекорд был у [имя] около 30 суток».

Помещение в ШИЗО тесно связано с приданием статуса злостного нарушителя, что в последующем является почвой для применения статьи 411 Уголовного кодекса. И это активно практикуется режимом.

Специфические незаконные наказания - ноу-хау ИК-4

«Такое средневековье! Это просто, просто дичь. Невозможно в клетку человека запереть».

Иллюстративное фото. Источник: teso-decor.ru

Помимо предусмотренных Уголовно-исполнительным кодексом наказаний, в колонии применяется ряд других, не предусмотренных законом. Одно из самых чудовищных — клетка, находящаяся на территории колонии на контрольно-пропускном пункте между жилой и промышленной зонами. Женщин помещают в эту клетку за отказ от выполнения требований сотрудников либо насильственные конфликты с другими заключенными. Женщины проводят там от получаса до 8 часов. Клетка расположена таким образом, чтобы ее обозревало как можно больше осужденных по пути на работу или с нее, что несет дополнительные унижения и страдания для наказанной. Сами сотрудники и заключенные называют это «клеткой позора».

«На всеобщее обозрение специально эта клетка установлена. Когда вся зона выходит, вся зона выходит на фабрику и приходит с фабрики, вот специально в это время туда сажают осужденных, чтоб все, как в зоопарке, смотрели...»

Также в качестве наказаний в колонии используются запреты на посещение клуба и спортзала, запрет другим заключенным общаться с «провинившимися». Им могли не отдавать письма или рвать у них на глазах, закрывать туалеты всему отряду. Также как наказание используется перемещение в другую секцию или даже другой отряд, перемещение в пресс-отряд. Для создания напряжения в коллективе в отношении нарушительницы практикуется коллективная ответственность в виде чтения ПВР всем отрядом, когда весь отряд вслух перечитывает правила десятки раз.

«Или могут просто специально не отдать от близких родственников письма в том числе, отдать там не через неделю, когда оно пришло, а могут не отдать вообще, а могут через месяц».

«Завхозина в 13-м, эта вот Хомицкая, она закрывала просто нам туалеты как наказание, Пшеничникова письма любила рвать».

«Нас заставляли читать правила внутреннего распорядка. Почти все курящие, не выпускали их курить, и давление на нее было уже со стороны девчонок. Было такое, что свои же девочки ударили ее этими правилами внутреннего распорядка, били по лицу, пока мы все стояли».

В качестве наказаний женщин также заставляли выполнять какую-то унижительную и/или бесполезную работу. Например, есть способ нака-

зания, который называют «Титаник», когда на пол выливается ведро или несколько ведер воды и заключенная должна всю ее собрать. Иногда женщин заставляли просто ходить с коробками по лестницам и вокруг зданий, а иногда всему отряду устраивали пожарную тревогу.

«То есть мы все вынесли коробки, все сидим на улице ждем, пока он придет, меня зовут в отряд. И мне говорит оперативник: — Так, ну ты сейчас берешь коробки и ходишь вокруг бомбея».

«...»Титаник» - это такой метод наказания осужденных, когда берется два ведра воды и выливается на коридор. И осужденная, которую наказывают, должна с помощью тряпки, как можно быстрее насухо вытереть весь пол. Это делается на коленях, как можно быстрее и сопровождается какими-то комментариями, чаще всего оскорбительного характера».

Провокации

«И насчет отношения администрации — оно как-то культивируется, сеется в кругу осужденных, что политические — они не такие, они какие-то такие вот заносчивые».

«Колония — это страшное место. Там угроза даже не столько от администрации... это я уже морально была к этому готова, воспринимать их так. А именно контингент».

Зачастую поводом к наложению взысканий на политических заключенных являются провокации, организованные заключенными по собственной инициативе или по указанию администрации. «Актив» отряда и завхоз принимают непосредственное участие в психологическом давлении и запугивании политических заключенных. Кроме того, другие осужденные могут оказывать физическое воздействие на политических по указанию оперативных работников. В случае выполнения указаний администрации такие осужденные получают возможность на какое-то поощрение или поправки.

«Опер дает команду «фас»... А с учетом того, что в 9-м отряде почти все работают на опера, можно команду дать любому или всем. Этот человек подбрасывает иголку, потом

неожиданно приходит обыск, находит эту иголку или этот нож с машинки и составляется рапорт за хранение запрещенного предмета».

«... одну девочку очень-очень сильно избили, а оперативный сотрудник весь отряд собрал в отдельной комнате, в комнате воспитательной работы и вывел несколько девочек, 5-6 девочек вывел, чтобы избивали одну».

Самым распространенным способом провокаций является подбрасывание политическим заключенным каких-либо запрещенных предметов (таблетки, иголки, лезвия) в личные вещи, хранящиеся в каптерках, в постель, в карманы одежды.

«... ей в куртку, в швы зачихнули иголки. Потом ее вдруг вызвали на какой-то осмотр и там нашли эти иголки. За это тоже наказание».

«Ну, подкладывали вещи, или подкладывали, или воровали. Потому что у политических постоянно по описи проверяются вещи. Ну, у остальных там несколько раз в год, а политических часто проверяют, чтобы все-все соответствовало».

Широко распространено доносительство, особенно в пресс-отрядах. Причем ситуация, которая является основанием для доноса, часто подстраивается или даже инсценируется. Иногда донос является выдуманным, что не мешает его использовать для привлечения к ответственности.

«...вызывали какую-то обычную заключенную, которая себе не может позволить сигареты и которая много у кого «стреляла» их. И вот они ей говорят — или ты говоришь, что тебе давала такая и такая, как мы хотим, или ты сдаешь всех остальных, и тогда все остальные будут знать, что ты их сдала».

Администрация всячески пытается создать атмосферу недоверия, в том числе в кругу политических заключенных. Так, создается видимость хорошего отношения с одной из политических, что дает почву для сплетен, что она сотрудничает с администрацией, что, как правило, не соответствует действительности.

«Я потом смеялась, говорю, меня очень высоко подняли, говорю. Двум человекам во всей колонии, это мне и Маше Колесниковой, налили воду в туфли».

«Они постоянно пытались нас поссорить как-то, какую-то смуту внести вот именно в общение экстремистов. Это такие жалкие попытки, кто-то идет на свидание и ей разрешают вынос. Вынос - это когда ты со свидания можешь вынести какой-то пакет еды на определенное количество килограмм. И типа по их сценарию мы должны были встать и такие: «Ну, если у нее вынос, да, она, наверное, «работает», она, наверное, «шестерка»».

Остановимся на описании действий нескольких осужденных, которые совершают провокационные действия в отношении политических заключенных.

Мария Хомицкая. Завхоз 13-го отряда. Кроме использования своего положения для получения выгод для себя и приближенных к ней осужденных, сама непосредственно могла «наказывать» весь отряд за какие-либо нарушения правил отбывания наказания.

«Если кто-то провинился в отряде, то там даже не начальник отряда, там завхоз давала наказание всему отряду. Причем ее самым любимым наказанием было закрыть все туалеты, кроме одного. ...На несколько дней закрывала просто все кабинки, скотчем заклеивала двери».

Такое бесчеловечное поведение поощрялось со стороны администрации колонии. Более того, начальник отряда фактически наделял завхоза Хомицкую своими властными полномочиями, обеспечивая тем самым страх наложения различных взысканий на других осужденных.

«И, конечно, никто не смел ослушиваться, потому что начальник отряда всегда подчеркивал, что завхоз — это как представитель администрации, и слово завхоза — это равно практически слову начальника отряда. И она имеет право все, что угодно, делать. И вы не имеете права ее ослушаться».

Вероника Михвиеня. Осужденная из 14-го отряда, которая непосредственно угрожала применением физического насилия к политической заключенной, оказывая психологическое давление.

«...прибить, скорее всего, она бы меня не прибила, но нанести какие-то повреждения она бы могла. Она очень такая агрессивная, очень несдержанная, ну, опасный человек достаточно».

Стелла Мамулян. Одна из осужденных, которая непосредственно участвовала в провокациях оперативных сотрудников колонии. Создавала ситуации, в результате которых к другим осужденным применяли меры взыскания, действовала по указанию оперативных сотрудников. Откры-

то высказывала свою неприязнь к политическим заключенным, не отрицала свою связь с сотрудниками и участие в провокационных действиях, находясь в 9-м отряде.

«К нам в отряд перевели вот эту Стеллу Мамулян. О такая очень... ну все знали, что она с ментами работает. Ну очень бессовестная такая».

Стелла Мамулян является также причиной применения взысканий к Марии Колесниковой.

«И девочка, которая участвовала в спортландии ... смогла уговорить Машу одолжить ей часы. Но, мне кажется, тут сработал такой момент, что ты как будто бы одалживаешь не просто человеку, а типа для нужд колонии. Буквально через небольшой промежуток времени в отряд пришли сотрудники колонии, то есть это, очевидно, была подстава просто. И на Колесникову написали рапорт. И я так понимаю, это было ее первое нарушение, после которого ее отправили в ШИЗО».

После участия в данных провокационных действиях Мамулян получила возможность общаться с осужденной из другого отряда (получила «разнарядки»).

Психологическое давление

«Это такое уничтожение человека как личности, когда его заставляют признать вину».

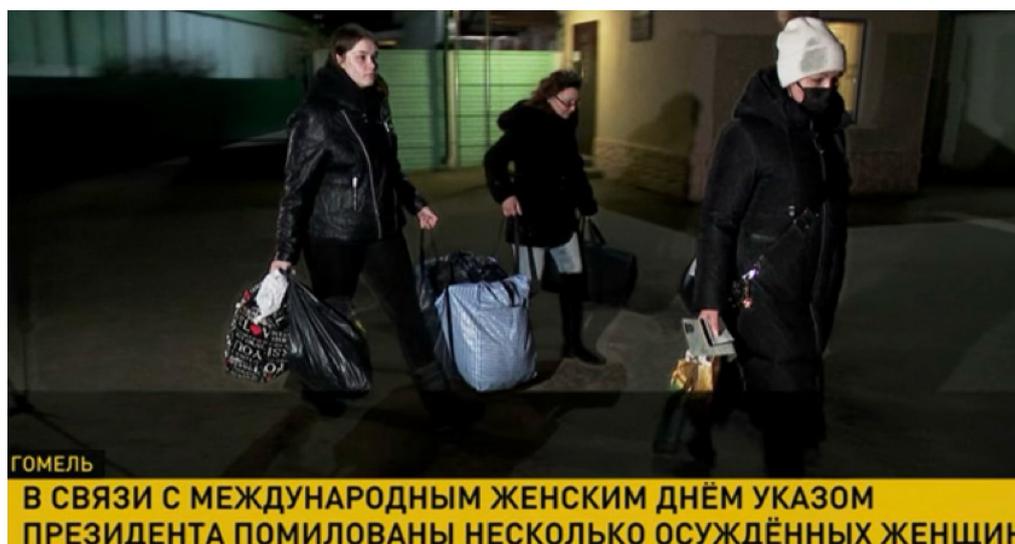

Фото: Момент освобождения женщин из ИК-4. Источник: скриншот телесюжета ont.by

Помимо изнуряющей работы, отсутствия свободного времени, стесненных бытовых условий и беспомощности перед несправедливым приговором, политические заключенные в колонии постоянно находятся под психологическим давлением. Там создается атмосфера подозрительности, всегда стоит ожидать подвоха со стороны других заключенных. Отдельные заключенные, осужденные, как правило, по тяжелым насильственным статьям, используются администрацией для устрашения и дискомфорта политических заключенных.

«И вот ее тоже постоянно подкладывали куда-то ко мне, либо в спарку, то есть чтобы она была где-то рядом со мной и меня донимала, и издевалась надо мной по-всякому. И с таким человеком рядом реально страшно находиться просто. Психологически страшно. Если человек до сих пор гордится тем, что она это сделала [убийство], и я понимаю прекрасно, что она может меня убить и ей много не дадут, и она может на это пойти».

«Сидели цыгане, которые специально начинали кричать о том, что «вы вообще предатели родины, вы хуже, чем убийцы, да вас вообще на пожизненное нужно сажать и расстреливать». Некоторые девчонки не выдерживали, они просто выбегали. Дело в том, что если бы они начали отвечать и был какой-то конфликт, то они, естественно, пошли бы на штрафной изолятор, и ничего хорошего бы это не значило».

Для получения от политических заключенных признания вины администрация использует целый букет мер — давление, угрозы, перевод в другие отряды, в том числе в пресс-отряд. Угрозы касаются создания невыносимых условий отбывания наказания, лишения свиданий, прессинга со стороны других заключенных, помещения в ШИЗО, придания статуса злостного нарушителя, осуждения на дополнительный срок по статье 411 УК.

«Ну вот, вот вам лист бумаги и ручка. И вот эта пачка, это на вас я собрал показания. Поменяем одно на другое?». ... ну пришлось, конечно, пришлось просто согласиться, написать это дурацкое под диктовку признание вины. ...ну, это просто как гражданская казнь».

«Ты же знаешь, что там порезали девочку. Так тебя тоже это ждет, ты не знаешь, как там бьют», - он говорит. «Тебя тоже это ждет. Ну ты же напиши, ты подумай о том, как тебе больше хочется сидеть, здесь или там».

«Одну женщину просто не выпускали из штрафного изолятора в зимний период. Там такой холод, что она рассказывала, что оборачивалась туалетной бумагой, чтобы хоть как-то согреться. Эти женщины тоже написали признание вины, потому что они будут давить до конца. Держатся, сначала почти никто не признавал вину».

В какой-то период времени политических также настойчиво уговаривали написать на помилование. Признание вины является обязательным условием применения помилования. В своих уговорах сотрудники упоминали даже конкретное количество осужденных, к которым помилование будет применено. Однако, обещания для большинства оказались беспочвенными.

«Она отказалась писать помилование. Ее переводят в 9-й отряд. У нее в телогрейке находят вшитые лезвия и она идет на наказание, на комиссию. Она отделалась предупреждением. Но ей оперативник сказал: «Если не хочешь продолжения, напиши на помилование». И она тогда написала на помилование. И тогда ее перевели обратно».

При склонении политических заключенных к сотрудничеству применялись жестокие угрозы и издевательства. Женщинам сообщали о задержании их родных и ставили их судьбу в зависимость от согласия женщины на сотрудничество. А также угрожали, что к выходу на свободу их доведут до такого состояния здоровья, что они просто сами не смогут себя обслуживать.

«Говорит: «В ходе обыска была задержана ваша свекровь... И все, и меня тут просто, я побледнела, покраснела, у меня все внутри просто обвалилось и провалилось. Я просто потеряла дар говорить, мыслить, ну, это просто ужасно, когда сообщают такие вести, а ты в тюрьме и ничего не можешь узнать и ничем не можешь помочь. И они такие: «Ну, ... давайте сделаем так. Вы напишите нам одну бумагу, а мы вам можем решить проблему со свекровью»».

«И опять с новым напором: «Ты идиотка, в штрафной изолятор. Будьте здоровы». ... «Тебе еще сидеть до ..., ты выйдешь в таком состоянии, тебя не узнает никто, ты выйдешь отсюда овощем, я тебе клянусь», «Ты перестанешь соображать, ты будешь ходить под себя»».

Фото: Председатель Совета Республики Национального собрания Наталья Кочанова во время рабочего визита в ИК-4 в августе 2021 года. Источник: belta.by

ВНЕШТАТНЫЕ СИТУАЦИИ В КОЛОНИИ

Женщины рассказывают, что когда в колонию приезжает проверка, то колония фактически переводится на военное положение. Всех осужденных заставляют сидеть либо в отряде на отдельном участке, либо на рабочем месте, не разрешая даже посетить туалет. Особенно ситуация усугубилась после того, как одна из заключенных попыталась сообщить проверке о существующих нарушениях, за что впоследствии была направлена в штрафной изолятор.

«А, вообще, то есть периодически такое происходит в колонии, что приезжает какая-нибудь проверка. И если приезжает проверка, то в колонии объявляется военное положение. Это когда все должны быть, все сидеть в отрядах должны. И в основном даже не просто в отрядах, а в одном помещении в отряде, ну, в ПВРе, соответственно».

Нередко в колонии случаются серьезные травмы, заболевания и даже смерти. Администрация прикладывает все усилия, чтобы подобную информацию максимально сохранять в тайне.

«Однажды была ситуация, когда девочке швейной машинкой отрезало палец. Она объясняла, что она плохо видит. И, тем не менее, её заставили сесть за швейную машинку. Ей отре-

* <https://belta.by/society/view/sozdannye-v-ik-4-uslovija-pozvoljajut-zhenschinam-ispravitsja-i-prodolzhit-zhizn-dostojno-kochanova-453993-2021/>

зало палец, но в медицине тоже, в санчасти, ее не отвезли никуда к врачам. Не было никакой проверки. Просто поставили, что якобы она получила царапину, перебинтовали остаток пальцев и всё».

«...если это [смерть] происходит, то это стараются очень скрывать. То есть если это происходит в больнице, то об этом невозможно практически узнать, только если родственники не поднимут сильный шум. Если это происходит в больнице, то другие осужденные это не знают и не видят. Если это происходит в отряде, то это, в любом случае там рядом находятся другие люди, которые это все увидят и расскажут. Таким образом мне известно достоверно о четырех смертях...»

Мария Колесникова

Фото: Политзаключенная Мария Колесникова. Источник: РИА Новости / Евгений Одинокоев

Мария Колесникова, лидерка мирного протеста 2020 года, была задержана 7 сентября 2020 года и впоследствии приговорена к 11 годам лишения свободы. Отбывает наказание в ИК-4. После двух лет нахождения в колонии была экстренно госпитализирована. Резкое ухудшение здоровья Марии Колесниковой и сделанная ей срочная операция (прободная язва желудка) были вызваны жестокими условиями ее со-

держания в тюремном карцере и несвоевременным оказанием медицинской помощи.*

2 сентября 2024 года сестра Марии Колесниковой Татьяна Хомич опубликовала пост в Facebook, в котором сообщила об актуальном положении дел:

1. Моя сестра, Мария Колесникова, отбывает наказание в Гомельской ИК-4. В ноябре 2022 года Марию госпитализировали с перитонитом из-за прободной язвы и сделали операцию. Уже более 560 дней информацию о Марии я собираю по крупицам - от сидящих и выходящих из колонии женщин. Последнее письмо от нее мы получили 15 февраля 2023 года. К Марии не может попасть адвокат, ей запрещены посылки.

2. По моей информации, сегодня Мария фактически голодает в колонии. Она весит 45 кг при росте 175 см. Ее болезнь предполагает диету, поэтому она не может есть многое из тюремного меню. Ее лимит на закупки в тюремном магазине - 40 или 80 рублей. Я не могу уточнить сумму, но понимаю, что этого хватит максимум на чай, овсянку, пачку прокладок, мыло, минимальную гигиену.

3. Кормить язвенника баландой - это пытаться его и медленно убивать. Не давать человеку права на переписку с семьей - ускорять эту смерть...**

«... в этот день Маше Колесниковой было плохо, ее вывозили на операцию в город. Все контролеры, все были заняты вот этой ее, ну, транспортировкой, охраной, перемещением, и они в этот день не открыли вообще на контрольно-пропускном пункте окно передач. Это была первая суббота декабря 2022 года».

По информации от освободившихся женщин, Мария первоначально находилась в 18-м отряде, который считается пресс-отрядом. Со стороны администрации ей уделяется самое пристальное внимание и создаются невыносимые условия существования. Целью администрации является сломить ее волю и силу, что не удается сделать до сих пор.

«Мария Колесникова впервые попала в ШИЗО за то, что одолжила часы на время дежурства другой девочке.

Опять же, Маша Колесникова, она одна в отряде, то есть с ней политических никаких нет, запрещают с ней вообще разговаривать».

* <https://www.golosameriki.com/a/kolesnikova-prison-surgery-conditions/6866316.html>

** <https://www.facebook.com/tatsiana.khomich.kalesnikava/posts/pfbid057VougRV5C9yYxf2CibUJpwJjQsXehsaTD4SoYxPzXqSMZYKvno9TzCZHbpNqc4Ql>

СОТРУДНИКИ КОЛОНИИ

«Все происходящее ужасы в колонии, большинство из них, они преднамеренные, то есть это специально сделано по указанию от сотрудников. Чаще всего от сотрудников оперчасти и начальника колонии».

Сотрудниками ИК-4 являются должностные лица Департамента исполнения наказаний МВД, которые проходят службу в данном исправительном учреждении. У сотрудников колонии есть иерархия, административное подчинение одного другому, соответственно, представители низшего звена не могут совершать определенные действия без приказа или ведома вышестоящих.

Сотрудники ИК-4, которые в подавляющем большинстве проходят службу в колонии, имеют определенное звание, конкретные должностные полномочия. А те, которые являются «гражданскими» работниками, не имеют званий, соответствующей выслуги лет и социальных бонусов.

В своей деятельности сотрудники должны неукоснительно соблюдать законодательство Республики Беларусь, профессиональную этику, придерживаться высоких моральных и этических стандартов. Вместе с тем, авторами расследования зафиксированы множественные слу-

чаи преступных действий, грубых неэтичных поступков со стороны сотрудников ИК-4 по отношению как к политическим заключенным, так и к другим заключенным.

«...но понимаете, там все, что не положено, может быть разрешено с разрешения администрации...»

В ИК-4 создана такая обстановка, когда нарушается не только законодательство Беларуси, гарантирующее отбывающим наказание лицам определенные условия и права, но и базовые права человека. Сотрудники колонии проводят систематическую репрессивную политику по отношению к политическим заключенным.

Начальник колонии и его заместители

«Индивидуальный фактор начальника. Одному начальнику хочется так, другому иначе. Кто-то ленивый, кто-то дотошный».

Начальник колонии обладает максимально широкими полномочиями как наивысшее должностное лицо в исправительном учреждении.

До 16 августа 2024 года ИК-4 руководил Денис Толстенков. С указанной даты начальником стал подполковник внутренней службы Станислав Ковалёв, ранее занимавший должность заместителя начальника по режиму и оперативной работе.* По данным СМИ, с июля 2024 года сменилось все руководство ИК-4: временно исполняющей обязанности замначальника по исправительному процессу была назначена майор внутренней службы Елена Леонидовна Дроздова, временно исполняющим обязанности замначальника по режиму и оперативной работе был назначен майор внутренней службы Никита Петрович Алёхин.**

* <https://mspring.media/ru/new-boss-in-prison/>

** <https://t.me/MAYDAYMog/4424>

ФИО

Толстенков Денис Анатольевич*

должность, звание

до 16 августа 2024 года являлся начальником ИК-4,
1977-08-17 г.р.

.....

9 августа 2024 года Великобритания расширила список санкций в отношении Беларуси. Под новые ограничения попал, в том числе, бывший начальник ИК-4 Денис Толстенков**.

Толстенков на первоначальном этапе распределял вновь прибывших осужденных по отрядам. Критерием распределения политических заключенных он избирает наиболее худшую обстановку в отряде, возможность прессинга заключенной как со стороны оперативных и режимных работников, так и со стороны других заключенных.

«Я так поняла, что мое пребывание именно вот в этом отряде было наказанием, потому что я ему отвечала немножко дерзко на распределении после карантина».

Толстенков как начальник колонии также ответственен за многочисленные факты наложения на политических заключенных необоснованных, незаконных взысканий. Он по должности возглавлял комиссию, определяющую, какое именно взыскание будет наложено, за его подписью выносились постановления. При этом он морально издевался над заключенными, оскорблял их, угрожал наложением новых взысканий и привлечением к уголовной ответственности по статье 411 УК.

«Он нас всех искренне ненавидел, это было очевидно. Естественно, что с его попустительством постоянно закручивались гайки в колонии. То есть, как и для нас, так и для обычных заключенных. Ну, и вообще, когда он на комиссиях разговаривал с заключенными, он всегда старался как-то унижить, оскорбить».

Он на меня орал и оскорблял...

По отношению к [имя] в таком духе мог говорить «Ты - обезьяна, иди в свою Эфиопию»...»

Денис Толстенков, как и другие сотрудники ИК-4, стоял за постановкой на профилактический учет политических заключенных. Фактически это мероприятие являлось стигматизацией отдельной группы осужденных.

Толстенков не скрывал своей неприязни к белорусскому языку, делал замечания осужденным, которые используют его в коммуникации.

«Ну, я сказала «Вітаю вас», а он сказал «Ну что, вы это будете с подружками там говорить», я говорю, «С подружками я говорю «прывітанне», это разные понятия», вот и все. А он сказал: «Ну ладно, можно же было сказать «добрый день», или «доброе утро». Ну вот какие-то придирки такие непонятные».

* <https://luka.zone/person/focod3ag-b522-4bfd-af39-dc4e1d8f9cao>

** <https://t.me/MAYDAYMog/4412>

№002

ФИО

Ковалев Станислав Сергеевич*

должность, звание

заместитель начальника ИК-4 по оперативно-режимной части. С 16 августа 2024 года является начальником колонии. 1984-12-12 г.р.

.....

Находясь на должности заместителя начальника колонии по режиму и оперативной работе (предположительно до 16 августа 2024 года), руководил фактически всеми оперативными и режимными работниками колонии. Именно с его подачи и под его руководством совершались предполагаемые преступления, пытки и жестокое обращение в отношении политических заключенных.

«И вот они были вдвоем, я так понимаю, друзья с этим Зюзиным. И если они приходили в отряд, они устраивали... все сразу прятались и убегали куда-нибудь... потому что сразу ты получишь рапорт, они до чего-нибудь обязательно прицепятся. То есть они устраивали обыски, переворачивали все на свете. Ну такие хозяева жизни. Приходили повеселиться.

...по его распоряжению, во всех отрядах убрали иконы».

ФИО

Лукомская Елена Петровна*

должность, звание

бывшая заместитель начальника ИК-4 по
исправительному процессу, 1976-07-27 г.р.

.....

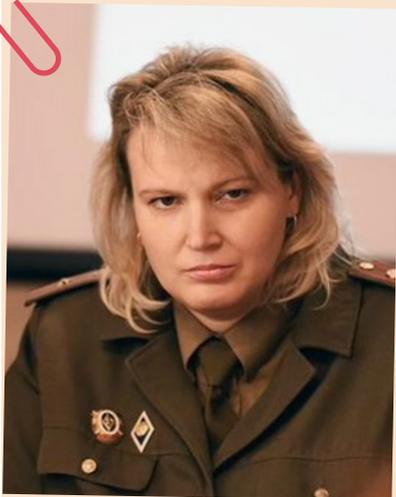
В ИК-4 больше не работает. В июле 2024 года ей исполнилось 48 лет, что означает для силовиков достижение пенсионного возраста**.

Елена Лукомская на должности заместителя начальника по воспитательному процессу ИК-4, начиная с этапа карантина, проводила беседы с политическими заключенными по поводу признания вины в совершенных «преступлениях» и написания прошения о помиловании. При этом коммуникацию она вела грубо, допускала манипуляции, угрозы. Выполняя приказы руководства колонии, она также участвовала в репрессиях в отношении политических заключенных.

«То есть просто говорила: – Не хотите? Ты говоришь:– Нет, не хочу. Она говорит: – Ну вот, а подумайте о родителях, а вот они же там страдают...»

«Проводила беседы и заместитель начальника колонии по исправпроцессу, Лукомская, ... она была достаточно грубой, говорила о том, что здесь мне крылья подрежут».

* <https://luka.zone/person/7a7c4de9-eece-4f02-bee2-79865121fa45>
** <https://mspring.media/ru/new-boss-in-prison/>

ФИО

Дроздова Елена Леонидовна*

должность, звание

заместитель начальника колонии по
исправительному процессу, 1978-04-03 г.р.

.....
Занимая должность заместителя начальника колонии, также принимала участие в оказании давления и запугивании политических заключенных.

«... и еще забавный факт про нее, что эта начальница исправительного процесса, который как будто бы должен тебя исправлять, но она постоянно использует мат, и матерится при людях, при осужденных».

«...Он начинает говорить, что мне нужно написать признание вины, с угрозами ШИЗО... мы зашли в соседний кабинет, где сидела женщина, это была Дроздова Елена Станиславовна. Эта женщина начинает тоже со мной разговаривать... потом она начала задавать вопросы по поводу уголовного дела, говорила «может ты все-таки виновата в том, что сидишь, может стоит написать это признание вины». У меня были ожидания, что она женщина, сейчас меня поймет, что мне угрожают, скажет, что это беспредел и мне поможет. ...как-то они меня вдвоем, в процессе она тоже подключилась к тому, что «ты же понимаешь, что сложно соблюдать все правила внутреннего распорядка, никто не идеален», подводила к тому, что действительно может быть ШИЗО за любую мелочь.

ФИО

Алехин Никита Петрович*

должность, звание

начальник оперативного отдела ИК-4, 1988-08-24 г.р.

.....

Непосредственно принимал участие в провокациях в отношении политических заключенных, запугивал их, угрожал необоснованным наложением взысканий, использовал надуманные поводы, чтобы вынудить писать «признание вины» и ходатайство о помиловании.

«... Оказывается, это начальник оперативного отдела колонии, гроза заведения.

... И вот он подходит ко мне: «Ну, что?». Я стою, не понимаю, что он от меня хочет. «Ты вину признаешь?». Я говорю: «Я не совершала ничего противозаконного». И он надзирателю говорит: «Вот за этой особый контроль».

Вот из всех людей в колонии, если нужно давить на наших девочек, этим непосредственно всегда практически занимается Алехин. Иногда и оперативники попроще, понижее статусом, но все равно это по его указке».

Алехин лично запрещал заключенным общаться с «политическими», угрожая взысканиями за попытки общения либо лишением каких-то прав, наказывал осужденных, помогающих политическим заключенным.

«...она давно уже сидит и родила ребенка...когда ребенку исполняется год, мама может переехать в «Дом матери и ребенка». Она очень этого хотела, и к ней пришел Алехин и сказал, что если ты будешь общаться с [имя], то ты можешь попрощаться с ДМР, ты там не будешь жить».

«И эта девочка мне потом передала информацию, что якобы он обвинял ее, то что это она выдала информацию мне о том, что у меня планируется [провокация]... пока у нее самой не начались проблемы. Ее сняли со всех должностей и так далее».

Кроме того, Алехин запугивал политических заключенных непосредственно перед освобождением, угрожая повторным задержанием как им самим, так и их родственникам, которые приедут их встречать.

«И когда мы освобождались, нас снимали на видео... этот процесс, как ты все это делаешь. Алехин стоял такой с телефоном и снимал».

«... попытался угрожать, что «Если вы там какую-нибудь массовую акцию, не дай бог, устроите у дверей колонии, вас тут же приедет, заберет ОМОН»».

Оперативные работники

«И такое часто бывает, есть пара оперативников, у которых наказание почти всегда, это забрать все свои коробки с каптерки на себя и ходить всем отрядом с этим по всей колонии. Ну типа у тебя может быть реально посылка пришла только, у тебя может быть там своих вещей 20 килограмм, и еще 50, и ты такой на себя, в руки, зима, допустим, и ты идешь, или лето, +30, ты идешь с частью отряда, или со всем отрядом, который тебя ненавидит, и который потом придумывает, как тебе отомстить, и параллельно еще кричит, что ты за человек».

Именно оперативные работники в ИК-4 являются той группой сотрудников, которые непосредственно используют репрессивные практики против политических заключенных. Они действуют как самостоятельно (оскорбляют, угрожают, запугивают, фабрикует рапорты о нарушениях со стороны заключенных и т.п.), так и через других сотрудников и заключенных.

«И у разных отрядов разные оперативные работники, жизнь осужденных зависит в наибольшей степени от оперативных работников, потому что есть более жестокие, есть чуть менее жестокие... Какие-то любят наказывать больше, какие-то меньше».

Оперативные работники часто воздействуют на политических заключенных через других осужденных. Чаще всего используются методы «коллективной ответственности», когда за какие-то надуманные нарушения со стороны политической заключенной весь отряд, вся секция подвергается наказаниям (переноска вещей, работы по уборке территории), что вызывает давление на политическую осужденную со стороны всего отряда, секции.

«Есть оперативники, как наш, который решает вопросы другого типа. Он просто психологически воздействует на разных людей, и настраивает друг против друга, а они там сами начинают додумывать, чудить, а он просто потом смотрит, как это дальше, как серый кардинал, издалека ...»

Оперативные работники прибегают к таким методам психологического воздействия на индивидуальном уровне, как провокации, угрозы взысканиями, для «стравливания» между собой политических заключенных.

«И так некоторые политзаключенные начинали обвинять других политзаключенных... одна политзаключенная обвинила другую политзаключенную, что якобы она сдала ее режимным сотрудникам, что у нее лежит в каптерке не ее дождевик. Режимные сотрудники пришли и полезли конкретно в том место, где он лежит, то есть они знали, где что. И это работа оперативника, он настраивал на беседах, когда вызывал, он мог не давать никаких нарушений в тот момент, но это психологическая игра».

Доносительство в колонии во многом объясняется тем, что именно от сотрудников зависит реализация всех прав осужденных. Например, на осужденную может быть наложено взыскание в виде лишения очередного свидания, передачи. Соответственно, каждая осужденная выбирает — сотрудничать ли ей с оперативным сотрудником либо лишиться продуктов питания, средств личной гигиены, одежды, общения с близкими.

«... Оперативники любили скрутить матрас улиткой такой, взять простынь и накрутить там каких-то узлов на этом матрасе, и повесить на кровать...и ты приходишь, тебе остается там 10 минут до проверки, а ты пытаешься это все развязать, как-то привести в порядок, потому что когда кровать в неподобающем виде, за это можно получить наказание».

«Там над ней фактически издевались другие заключенные. То есть там ну просто и морально давили, и как-то физически ее шпыняли. ... Ну, таким образом вести себя к ней, вот такое отношение к ней, было обусловлено тем, что начальство и оперативники, и так далее делали такой заказ, то есть специально».

Основные репрессивные практики в отношении политических заключенных направлены на моральный слом человека, получение письменного признания им «вины», прощения о помиловании. Методы достижения такой цели отличаются в зависимости от конкретного оперативника, запросов руководства колонии и внешних факторов.

«... сидящих политических курирует именно ГУБОПиК. И они определяют, как поступать с человеком, они дают указания оперативным работникам колонии о тех же самых вопросах, прощупать человека, понять его настроение, что он из себя представляет. Вот. Ходит информация, что прессинг осуществляется через ГУБОПиК».

№001

ФИО

Черный Игорь Викторович*

должность, звание

оперативный сотрудник ИК-4, 1989-04-09 г.р.

.....

«У меня тоже были угрозы от Черного. Последние разы, когда мы с ним коммуницировали насчет моих нарушений, он меня грозился перекинуть в девятый, с иронией, ну типа: «Ну что ты, ну классный отряд же, че ты начинаешь?».

... его задача была такая, чтобы он пытался раскрутить людей на явки, новые, новых преступлений и все такое. И вот девочки, которые возвращались, рассказывали, что был ужасный разговор и он там с ними жестко разговаривал: – у тебя 205 статья, вот расскажи про своих друзей, да они ж 100% там тоже, не знаю, воруют, наркоманят, все такое. Вот смотри, а то мы может там тебе 328 повесить, там поедешь».

«люди писали доносы в таком количестве, что это абсолютно было невозможно в это поверить. Потому что однажды я проходила мимо человека, который писал типа поминутно, что я делала, и мне показалось, я подумала, потому что я увидела фамилию [фамилия], и там «09:35 [фамилия] подседа к такому-то человеку и начала разговаривать»».

ФИО

Кузнецов Александр Николаевич*

должность, звание

оперативный сотрудник ИК-4, 1991-03-21 г.р.

.....

«Все самые такие жуткие истории, которые, я думаю, все рассказывают, и я в том числе, связаны обычно с Кузнецовым. Один из основных отрядов, где происходили эти жуткие вещи, это девятый. Его среди осужденных часто называют, ну особенно среди политзаключенных, «пресс-хатой», ну «пресс-хата» не в понимании того, что комната там есть какая-то, а в том смысле, целиком отряд».

«Кузнецов, это самый был ужасный оперативный сотрудник там. Он организовывал ...9 отряд, пресс-отряд, это его была работа, его рук работа. Потом, в 18-м он был оперативником, где Маша была Колесникова. Он самый рьяный такой...»

«Пронин режимник, оперативник – Кузнецов. Ни с того ни с сего закрылись со мной в каптерке... и просто стали творить какую-то дичь. «Ты че, ты кто такая? Че тебе нравится сидеть, да? Ты в штрафной изолятор попадешь, у тебя там все волосы повыпадают». Я говорю: «Хорошо, простите, а в чем дело?». «А дело в том, что ты предатель родины!»».

«...но разозлился на отряд, с большего на политзаключенных...Сказал всем взять бруски мыла хозяйственного, и взбить их до пены... И потом убирать пол, намывать пол восьмерками просто. Если ты делаешь это не так, то начинается давление, крики... Все свое свободное время ты сидишь и щеткой надраиваешь восьмерками пол до того момента, пока он не скажет, что можно остановиться...»

«Понятие про коллективные наказания и виды этих коллективных наказаний пришли в колонию с приходом Кузнецова. Он придумал это развлечение с коробками. Словосочетания «пойдем гулять с коробками» бояться все в колонии, потому что повод может быть абсолютно любой для этого...Начал спрашивать у политических, как его зовут, спросил у меня, а я не знала, как его зовут. Он сказал, что весь отряд идет доставать коробки из каптерки и спускает их на первый этаж, а мы жили на четвертом».

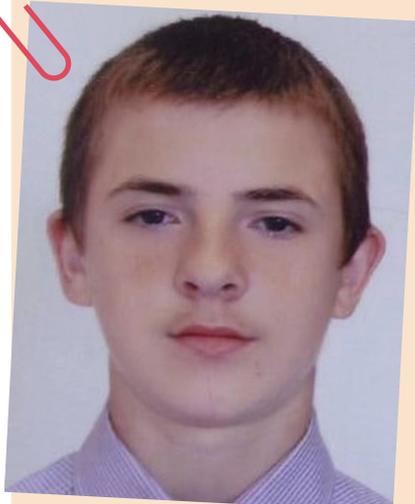
«Еще один вид наказания – ходить вокруг Бомбея, это локальный участок, он так называется, потому что там находится больше всего отрядов, там три отряда. Мы идем с работы, подходим к отряду, нам говорят, что мы не идем в отряд, а должны ходить вокруг Бомбея час до проверки. Час вы просто ходите строем. Это коллективное наказание, обычно говорят, кто виноват, за него все и ходят, например, кто-то плохо заправил кровать, из-за этого все ходят».

«...которые по приказу администрации колонии людей морально просто убивают. И подобное происходит очень часто с любыми, кто идет против администрации. У меня в этом отряде были порезаны наволочка, простынь. У меня были постоянно гусеницы в кружке с чаем, у меня были, ну то есть постоянно вывернутое ведро воды на постели. И это все творилось с разрешением сотрудника Кузнецова, потому что он являлся оперативным куратором этого отряда».

«Потом он придумал еще такое наказание, выносили шконку, с жилой секции на улицу, да и весь отряд должен был бы по очереди расправить постель и заправить. Это было летом, я помню, была невыносимая жара, кто в обморок там падал... Ну представьте, в отряде 97 человек, и чтобы расправить полностью постель и заправить ее».

«Он очень любил коллективные наказания, когда весь отряд выстраивается на улице. И вот он так вот заставлял нас стоять по часу, по два тоже зимой. ...это был конец ноября, декабрь».

№003

ФИО

Зюзин Алексей Олегович*

должность, звание

оперативный сотрудник ИК-4, 1998-02-19 г.р.

.....

«Знаете, суицидальные мысли, они достаточно часто возникали. Потому что там было невыносимо находиться. ... в 14 отряде такие люди были. Причем эти люди, они даже не скрывали то, что им это приказал сделать оперативный сотрудник Зюзин. Он давал приказ, чтобы они меня оскорбляли по-всякому».

«Он как-то демонстративно уничтожал при мне мои письма... а когда я попросила его не уничтожать конверт, он сказал «Нет, так положено», и взял порвал. Как его можно охарактеризовать? Ну это подлость человеческая. И просто странно, как такой молодой парень... вот как он мог себя так вести, откуда у человека в таком возрасте столько внутри грязи душевной?»

«Ее при задержании сильно избил ГУБОПиК. И у нее травма психологическая серьезная по поводу ГУБОПиКа. И наш опер вместе с другим... Наш был Зюзин, а там Ковалев... одевали балаклавы, приходили к ней, начинали что-нибудь у нее спрашивать, что угодно, на проверке профучета. – «Вам не нравятся балаклавы, да? А чего так? ГУБОПиК вам не нравится еще». Ну то есть откровенное такое издевательство. А у нее начинается истерика от одного вида балаклавы».

«Зюзин, мой новый оперативный куратор, он очень любил зайти в отряд. «С.», я говорю «Да», «Видел фотографии вашей юной молодости. Ну, конечно сейчас вы, это пиздец». Я говорю: «Ну, знаете, в вашем заведении не удивительно». Или при всем отряде, «С., расскажи, как можно быть таким предателем? Люди, вы знаете, что она предала родину?». И вот это постоянное унижение, постоянные какие-то оскорбления. Упор на то, что я ужасно выгляжу».

№004

ФИО

Гончаров Ярослав Алексеевич*

должность, звание

оперативный сотрудник ИК-4, 1998-09-04 г.р.

.....

«Он очень неприятный такой человек. И такой любитель поиздеваться просто... кто-то провинился,... с контрольно-пропускного пункта идет дежурный в отряд звонок, отряду приказано построиться на улице, зима...мы вместо того, чтобы там у нас свободное время, попить чаю, что-то согреться, все выстраиваемся на улице зимой и стоим. Стоим 5 минут, 10 минут, 15, полчаса стоим».

«...непосредственно Зюзин и Гончаров, как-то приглашали ее на разговор. Они склоняли ее к сотрудничеству. И обманным способом пытались ей доказать, что ее свекровь уже арестована, что она находится под следствием из-за нее, и только она могла ей помочь. И она должна пойти просто с ними на сотрудничество. Пытались заставить подписать ее бумагу. Довели просто до истерики, до слез».

«Они стали ко мне чаще приходить, вот этот вот Гончаров Ярослав с какими-то еще сотрудниками, стали вести со мной неприятные беседы. Ну, естественно, всегда называя меня отбросом, предателем. Намекая на то, что лучшее, что я могу сделать, это написать прошение о помиловании».

«Фактически каждую неделю Зюзин и Гончаров вызывали меня на беседу. Эти беседы носили характер: «Ты идиотка. Ты что, такая вот добренькая, думаешь, да?», «Из штрафного изолятора не выйдешь, да мы тебя... да поедешь на Речицу после этого, после этой колонии». То есть психологически это было очень тяжело выдержать».

№005

ФИО

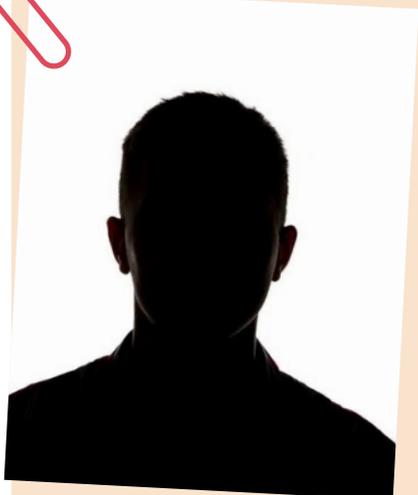
Баранов Данила Валентинович*

должность, звание

оперативный сотрудник ИК-4, 1998-09-10 г.р.

.....

«Баранов, он хоть и мог составить липовые рапорта, на меня, по-моему, он не составил ни один рапорт, но откровенным прессингом таким он не занимался. Просто ему сказали, что на эту, на эту и на эту нужно записать нарушение. Ну, окей хорошо, исполню. А так, чтобы прям как Зюзин с Гончаровым, ну нет».

ФИО

Клевко Егор Андреевич

должность, звание

оперативный сотрудник ИК-4

.....

«Там меня встретил мой оперативник Клевко. Привел в кабинет. Там же был Зюзин. Начали все-таки, как обычно, со своим юморком: «Что-то ты сильно спокойно сидишь. Надо бы тебе рапорт, а то у всех почти есть, а у тебя нет. Выбирай за что»..... через пару дней ко мне пришел Клевко опять и сказал, что в тот день, когда у нас был обыск, я нецензурно громко ругалась в каптерке в адрес сотрудников администрации».

«Я дежурила по санузелу, мыла унитазы, там все в перчаточках. И он зашел, якобы ожидая со мной разговора. И пока я убирала, он держал телефон в руке. Он постоянно с телефоном в руке. И, как потом оказалось, видимо, он записывал видео. Потому что самый какой-то отвратительный, просто всратый скрин из этого видео, каким-то образом, где я просто выгляжу, как будто бы меня подняли, он попал в руки ГУБОПиК, и они постили его в своих ресурсах».

Начальники отрядов

Начальником отряда в ИК-4 является должностное лицо, которое имеет звание и выполняет внутриотрядные организационные функции, следит за соблюдением дисциплины, утверждает графики дежурств, помогает решать вопросы, связанные с бытовой жизнью заключенных, участвует в воспитательной работе внутри отряда и прочее.

«И мне первое время она казалась безумной, потому что она почти каждый день собирала отряд в ПВРе ... и она просто на всех орала очень громко и даже могла использовать какие-нибудь такие очень едкие слова, то есть не прямо мат, но оскорбительные какие-нибудь заявления».

«И в этом отряде была сразу очень тяжелая атмосфера. Где-то ошиблись заключенные и эта Виктория Александровна была очень недовольна. Она ходила и кричала на всех. Она орала так, что я думала, что мне понадобится памперс... Она просто начала угрожающе кричать: «Если, не дай бог, вы дадите кому-нибудь сигарету, колбасу, с кем-нибудь попьете чай, или донесете до кого-нибудь, или что-нибудь возьмете с собой...Я вам покажу, кто я есть, вы у меня из ШИЗО не выйдете». Было очень много таких угроз».

Остановимся лишь на описании фактов взаимодействия начальников отрядов с оперативными работниками, когда они фактически участвуют в репрессиях по отношению к политическим заключенным. Это может проявляться в особом внимании к политическим заключенным, когда начальник отряда выполняет свои должностные обязанности, но проявляет явно предвзятое, дискриминирующее отношение к группе «желтобирочных».

«... тоже угрозами меня пыталась заставить пойти в воскресенье на работу. Она периодически устраивала почему-то именно мне, не знаю, досмотры с коробками, когда ты должен вынести все свои коробки и она должна их досмотреть».

«...она собрала, собрала нас как-то всем отрядам и дословно кричала, что вы животные, которым место за забором. Это ее дословные слова. То есть мы животные, которые не могут выйти на волю».

Соучастие в репрессиях со стороны начальников отрядов выражалось и в непосредственном участии в «оперативных» мероприятиях совместно с другими сотрудниками колонии. Начальники отрядов могли как просто угрожать привлечением к ответственности без реальных нарушений, так и непосредственно участвовать в провокациях: подбрасывать в имущество заключенных неразрешенные предметы, морально издеваться и оскорблять, склонять к письменному «признанию вины», написанию ходатайства о помиловании.

№001

ФИО

Максимчикова Ангелина Сергеевна*

должность, звание

начальник отряда № 9 в ИК-4, 1993-10-06 г.р.

.....

«Максимчикова любила давать индивидуальные задания именно политическим заключенным ... люди просто приходили к ним, и кидали в лицо свое грязное белье, где-то в месячных, где-то там в говне, в моче, просто вонючее, потное».

«Все происходящие ужасы в колонии, большинство из них, они преднамеренные, то есть это специально сделано по указанию от сотрудников. Чаще всего, от сотрудников оперчасти и начальника колонии. Но также там присутствовали сотрудники такие, как Максимчик Ангелина Сергеевна, которая являлась начальницей 9-го отряда, этого «пресс-отряда», которая участвовала точно так же в различных избиениях и в различных гнобления, в вымогательствах и прочее».

Иные сотрудники

В колонии много различных сотрудников, которые, выполняя самые разные функции, участвовали в репрессиях, используя свои должностные полномочия для преследования политических заключенных.

№001

ФИО

Сивцов Андрей Валентинович*

должность, звание

начальник режимного отдела ИК-4, 1988-02-12 г.р.

.....

«... с его приходом в колонию, когда он стал начальником режимного отдела, то очень много всяких ухудшений по условиям появилось. Например, это именно с его появлением запретили цветные носки, то есть цветную одежду, только все черное. Ну, только трусы и нательные майки, и лифчики могли оставаться каких-то других цветов. Он запретил босоножки...»

№002

ФИО

Дашевская Алла Владимировна*

должность, звание

сотрудница режимного отдела, 1973-07-07 г.р.

.....

«... в начале самом она меня, мягко говоря, очень недолюбливала, это чувствовалось. Однажды она еще в 14-м отряде к нам пришла, а я ее не заметила, я тогда дежурная была за столом. И вот она начала мне делать замечание, потом она указала, чтобы позвали завхоза, она начала отчитывать завхоза. Сказала: «А что это М. плохо обязательства выполняет, дайте ей такую работу, чтобы она точно с ней справилась, которая ей подходит, например, мытье туалетов»».

«Мало того, что в невыносимых условиях, невыносимая еда, гнилая, гнилые овощи, камни в каше, черви там. Допустим, мы выходили как-то из столовой, Дашевская такая: «Почему вы улыбаетесь?» А я спрашивала: «А что нам улыбаться нельзя?». Она говорит: «Нет, нельзя». Я говорю: «А почему?». – «Потому что это не предусмотрено правилами внутреннего распорядка»».

№003

ФИО

Дроздов Евгений Сергеевич*

должность, звание

сотрудник режимного отдела, 1999-06-29 г.р.

.....

«Был у нас такой Дроздов, это сын какой-то там начальницы большой... Он отличился тем, что когда была проверка – строевая, это когда проверяют форму как у тебя пришиты эти бирки там. И он ходил с линейкой, мерил все бирки, и если там на полсантиметра хотя бы отличалось от положенного, он их срывал с наслаждением. Прямо вырывал с хрустом так... зачем ты их вообще портишь, вам же их делать заново, ламинировать для того, чтобы мы их опять пришивали. Но он просто получал физическое удовольствие от того, что рвал прямо с тебя. На него даже охранницы, которые были вместе с ним, смотрели с удивлением: серьезно, ты зачем, ну зачем ты вот это делаешь?»

ФИО

Пырк Елена Дмитриевна*

должность, звание

сотрудница режимного отдела, 1978-01-04 г.р.

.....

«Пырк Елена Дмитриевна ... такая уже любительница всяких этих внеочередных шмонов. Она режимница. Она любительница погонять с коробками из каптерки».

«... в пресс-отряд я попадала неоднократно... мое пребывание в этом отряде закончилось штрафным изолятором, то есть мне подбросили иголку. Иголку подбрасывала сотрудница Пырк Елена Дмитриевна. Она подбросила, то есть пришла в отряд и говорит: «Мне нужно досмотреть тумбочку», и сразу целенаправленно знает, где находится моя тумбочка, в какой стороне, где и как, сразу же целенаправленно идет туда, открывает тумбочку, я не успеваю еще добежать, а тут она мне озвучивает: «Я у тебя нашла иголку, это рапорт, и ты идешь в штрафной изолятор...»»

Среди сотрудников отдельно выделяют **«контролеров»**. Эта лица, которые обеспечивают внешнюю и внутреннюю охрану колонии, конвоирование внутри колонии, сопровождение осужденных в различные места в колонии, осуществляют проверки осужденных, могут проводить обыск (как личный, так и помещения).

«Была такая там контролер Юрьевна, ее потом сделали начальником отряда. Она очень была с пристрастием всегда. На нашу проверку вечернюю она подошла к локалке, а мы еще не выстроились. «Ах вы не готовы, а вы должны были уже тут в 8 стоять все, выстроившись. Все, значит, стойте, пока я всю колонию не пройду, не проверю». И вот она будет ходить, ходить через там полчаса только придет».

ВЫВОДЫ

Пенитенциарная система — один из важнейших компонентов сектора безопасности, ее основными задачами являются обеспечение исполнения закона и контроль над его исполнением. Она также обязана защищать общество, изолируя от него лиц, представляющих серьезную угрозу другим людям, удерживая потенциальных преступников от совершения преступлений и перевоспитывая их.

«Единственное наказание для осужденного — это лишение свободы» — фундаментальный принцип системы исполнения наказаний во многих европейских странах.

Пенитенциарная система Беларуси в нынешнем виде сохранила и эффективно использует все рудименты советской пенитенциарной системы. На практике она является одной из составляющих системы борьбы режима с инакомыслием, без учета различий в потребностях, правах и возможностях женщин, мужчин, девушек и юношей, ее методы работы не соответствуют стандартам в области прав человека и не способствуют перевоспитанию заключенных.

*Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме** устанавливает в первом же принципе, что все лица, подвергнутые задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, имеют право на гуманное обращение и ува-

* Принят ООН в 1988 году.

жение достоинства, присущего человеческой личности. Бангкокские правила, принятые в 2010 году Генеральной Ассамблеей ООН, касающиеся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы, обязывают государства принять меры для устранения причин, которые приводят женщин к тюремному заключению, и последствий их тюремного заключения.

В 1980 году Беларусь ратифицировала *Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин* (здесь и далее — *Конвенция*), отсюда следует, что ее положения обязательны к исполнению государством. Статья 8 Конституции Республики Беларусь декларирует приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. Пункт а) статьи 5 *Конвенции* декларирует стремление государств-участников принимать все соответствующие меры с целью изменения социальных и культурных моделей поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин.

*Минимальные стандартные правила обращения с заключенными** (далее — *Правила*) содержат минимальные стандарты, которые должны выдерживать пенитенциарные учреждения в обеспечении прав заключенных. Это касается и белорусских пенитенциарных учреждений в соответствии с международными обязательствами страны.

Обратившись к исследованию положения женщин в гомельской женской колонии № 4, осужденных по политическим мотивам после 2020 года, авторы столкнулись с шокирующими фактами, позволяющими сделать определенные выводы касательно процедур и методов применения наказаний в данной колонии, грубо нарушающих международные стандарты и правила содержания в изоляции женщин.

Исходя из полученных данных и их анализа, а также исходя из нынешней политики режима, выдавать какие-либо конкретные рекомендации по их устранению авторам данной работы представляется нецелесообразным и невозможным. Вывод в данном случае один — пенитенциарную систему, в которой отбывание наказания для осужденной становится игрой на выживание, необходимо целиком реорганизовать.

Условия труда женщин в ИК-4 напоминают вид рабства, когда за еду узнице приходится тяжело работать 7 дней в неделю и, с учетом иных обя-

* Приняты Конгрессом Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 году.

зательных хозяйственных работ, намного больше, чем 40 часов в неделю. Специальный докладчик по вопросу о современных формах рабства, включая его причины и последствия, Томои Обокаты в своем докладе «Современные формы рабства, затрагивающие людей, находящихся и ранее находившихся в заключении» от 19.07.2024 г. указывает, что хотя использование труда человека в период лишения свободы как таковое не представляет собой принудительный труд в соответствии с международными стандартами в области прав человека и труда, заключенных следует признавать трудящимися, имеющими право пользоваться в части заработной платы, социального обеспечения, безопасности и гигиены труда условиями, сопоставимыми с условиями, которые имеют трудящиеся за пределами исправительных учреждений. Также в докладе указано, что из Беларуси поступают сообщения о принудительном труде.*

УВКПЧ установило, что заключенные, содержащиеся по политически мотивированным обвинениям в колониях по всей Беларуси, подвергались принудительному и эксплуатационному труду в небезопасных условиях. Некоторые опрашиваемые сообщали о несчастных случаях, травмах и негативных последствиях для здоровья из-за недостатка обучения, спецодежды или защитного оборудования.**

В ИК-4 не выполняются не только международные стандарты, но и нормы национального права — переписка политическим заключенным ограничивается, в отношении них совершаются провокации, применяются меры наказания, не предусмотренные законом.

Вопиющим является факт того, что заключенные являются заложниками системы, у них нет никакой возможности бороться за свои права внутри колоний, а у администраций и отдающих им приказы есть карт-бланш на любые издевательства. Учитывая наличие в Уголовном кодексе статьи 411, срок этих издевательств во времени не ограничен.

Женщин, осужденных по политическим мотивам, в колонии подвергают системе произвольных и несоразмерных наказаний. Им присваивается статус «злостного нарушителя», что влечет за собой негативные последствия, включая потенциальное обвинение и последующее заключение в штрафной изолятор за «злостное неповиновение». Наказания за эти «нарушения» являются несоразмерными и необоснованными. Заключенные могут содержаться в ШИЗО до 30 дней в полной изоляции в бесчеловечных условиях содержания.

* A/HRC/57/46, п.1, 30

** A/HRC/55/61, § 33

Практика отказа в своевременной и качественной эффективной медицинской помощи, передаче медикаментов превращает содержание осужденных в гомельской женской колонии в серьезную угрозу здоровью, в отдельных случаях — доходящую до смертельного риска. Одним из вопиющих примеров этого является ситуация с Марией Колесниковой, которая из-за некачественной пищи и жестоких условий содержания в карцере получила очень серьезное заболевание (прободную язву, снижение веса до 45 кг при росте 175 см), которое может иметь долгосрочные последствия для ее здоровья.

17 марта 2022 года в Женеве Верховный комиссар по правам человека Мишель Бачелет представила доклад о нарушении прав человека в Беларуси. Свидетельницей выступила Наталья Херше. Она рассказала о том, что потерянное в жесточайших условиях карцера здоровье в гомельской колонии ей восстанавливать никто не собирался. Более того, болезненное состояние было использовано для дополнительного давления на политзаключенную. Кроме прочего, Наталья Херше рассказала, что была свидетельницей пыток и в отношении других заключенных. В колонии она была свидетельницей того, как многих женщин, болеющих эпилепсией, сажали в карцер, а для раковых больных не было никаких снисхождений.

Наталья Херше во время своего выступления в Женеве назвала имена людей, непосредственно виновных в пытках заключенных в гомельской колонии. Это начальник колонии **Тарасенков Денис Анатольевич**, заведующий терапевтическим отделением **Силкина Светлана Александровна**.

Верховный комиссар ООН в своем докладе от 15.03.2024 года указал, что у УВКПЧ есть разумные основания полагать, что в Беларуси было совершено преступление против человечности в форме преследования наряду с другими сопутствующими деяниями, которые могут быть установлены как следствие описанных нарушений прав человека.*

Авторы расследования утверждают, что ряд сотрудников колоний являются соучастниками преследования граждан по политическим мотивам и иных преступлений против человечности**, совершаемых в Беларуси по сей день. Согласно статье 85 УК, правила об истечении сроков давности для привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших уголовное преступление, предусмотренное статьей 128 УК, не применяются.

* A/HRC/55/61, п.52

** Статья 128 УК предусматривает уголовную ответственность за действия, подпадающие под классификацию преступлений против безопасности человечества. Среди них — незаконное содержание в заключении, массовое или систематическое осуществление казней без суда, похищение людей, за которым следует их исчезновение, пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с расовой, национальной, этнической принадлежностью, политическими убеждениями и вероисповеданием гражданского населения.

